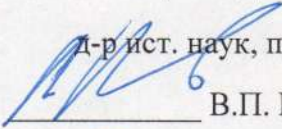

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра новой, новейшей истории и международных отношений

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

д-р ист. наук, профессор

В.П. Румянцев

« 7 » июль 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

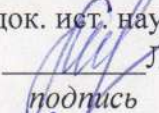
СЕЛЬКУПЫ И ШОРЦЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

по основной образовательной программе подготовки магистра
направление подготовки 46.04.01 – История

Сидорова Тамара Александровна

Руководитель ВКР

док. ист. наук, профессор

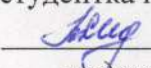

Л. И. Шерстова

подпись

« 7 » июня 2021 г.

Автор работы

студентка группы № 031924

Т. А. Сидорова

подпись

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования являются этногенетические и этнокультурные процессы у народов Сибири в XIX – первой трети XX века.

Предметом – особенности этнической истории и культуры южных (нарымских) селькупов и шорцев.

Целью работы является выявление в культуре южных селькупов и шорцев сходных элементов, обусловленных возможными древними этногенетическими связями.

Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на разделы, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, рассматривается ее степень изученности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, обуславливается выбор хронологических и территориальных рамок исследования, дается характеристика источниковой базы и теоретико-методологической основы работы.

В первой главе «Некоторые вопросы этногенеза селькупов и шорцев» в первом и втором разделе представлены существующие на настоящий момент гипотезы происхождения изучаемых народов и сформулирована собственная позиция по данной проблеме. Таким образом, данные разделы имеют, скорее, историографический характер. Во втором разделе определены этнонимы и территория проживания селькупов и шорцев.

Вторая глава «Материальная культура селькупов и шорцев» состоит из двух разделов, в каждом из которых рассмотрены элементы материальной культуры с целью выявления общего и особенного у селькупов и шорцев. В первом разделе рассматривается хозяйственная деятельность и основные занятия, во втором – национальная кухня и одежда.

Третья глава «Духовная культура селькупов и шорцев» посвящена рассмотрению и сравнению элементов духовной культуры нарымских селькупов и шорцев. В первом разделе проведено сравнение мифологических представлений этносов, во втором – некоторые элементы семейной обрядности.

В заключении представлены результаты работы, сделаны выводы о наличии / отсутствии древних этногенетических связей селькупов и шорцев. Также имеется список использованной литературы и источников, а Приложения содержат в себе картографические материалы и фотографии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	2
Глава 1 Вопросы этногенеза нарымских селькупов и шорцев	13
1.1 Этногенез нарымских селькупов.....	13
1.2 Этногенез шорцев	18
1.3. Расселение и основные этнические группы нарымских селькупов.....	22
1.4 Расселение и основные этнические группы шорцев	24
Глава 2 Материальная культура нарымских селькупов и шорцев	28
2.1 Хозяйство и основные занятия	28
2.1.1 Рыболовство.....	28
2.1.2 Охота	32
2.1.3 Собираательство	37
2.2 Национальная кухня, одежда и жилище.....	39
2.2.1 Жилище	39
2.2.2 Кухня	44
2.2.3 Одежда.....	50
Глава 3 Духовная культура нарымских селькупов и шорцев	61
3.1 Мифологические представления	61
3.2 Некоторые черты традиционной обрядности	67
Заключение.....	87
Список использованных источников и литературы.....	91
Приложение А Карта расселения южных селькупов, северных алтайцев и шорцев в XIX– первой трети XX вв.	104
Приложение Б Полевые материалы автора.....	105
Приложение В Материалы этнографического отдела МАЭС ТГУ	106

Актуальность темы исследования связана в первую очередь с ростом национального самосознания аборигенных народов Сибири, что может осложнить межэтнические отношения как на территории Сибири, так и в России в целом, так как национальные идеологии содержат этнические мифы, в том числе, об этногенезе. Поэтому изучение этногенеза необходимо для критического отношения к этническим мифам и возможной реконструкции этноисторических процессов в Северной Евразии. Однако для решения вопроса происхождения народа необходимо подробно изучить особенности его материальной и духовной культуры.

Сегодня особенно остро стоит проблема сохранения традиционной культуры. В последние годы наблюдается рост интереса людей к проблемам малых сибирских народов. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, а также их местные организации выступают за сохранение и возрождение культуры. Помимо этого, реализуются различные социальные проекты. Так, к примеру, в 2017 журналисты ТВ 2 совершили экспедиции к шорцам¹, в 2018 к – селькупам², результаты которых были представлены общественности в форме статей и видеофильмов. Студенты Высшей школы журналистики ТГУ по окончании собственной экспедиции к парабельским селькупам создали сайт, на котором представлены все результаты экспедиции в разных формах (статьи, фотографии, видеофильмы)³.

Желание сохранить или же возродить традиционную культуру вполне объяснимо, так как традиционная культура является основой этнической идентификации. Однако здесь возникает главная проблема, попытки реконструкции, безусловно, существуют, но, к сожалению, они очень редко оказываются успешными, чаще всего все сводится к чрезмерному выдумыванию несуществующих элементов, которые могут более ярко представить народ. Для того чтобы избежать подобного и сделать реконструкцию максимально достоверной необходимо тщательно изучить культурные особенности. Мы надеемся, что данная работа сможет послужить одним из оснований для реконструкции традиционной культуры.

¹ Экспедиция ТВ 2. Тадар-кижи или шорский человек [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. URL: <https://tv2.today/Istorii/Tadar-kizhi-ili-shorskiy-chelovek> (дата обращения: 15. 04. 2021).

² Экспедиция ТВ 2. Маннани Пиледэ – родная деревня [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. URL: <http://tv2.today/Istorii/Manani-pelede--rodnaya-derevnya> (дата обращения: 15. 04. 2021).

³ Вы нас даже не представляете [Электронный ресурс] // Селькупы: сохранить как. Большой проект о малом народе. Томск, 2018. URL: <https://selkup.space/> (дата обращения: 15. 04. 2021).

Говоря о самодийских народах, мы, в первую очередь, имеем в виду селькупов, проживающих на территории Томской области, под шорцами понимаем народ, проживающий на территории Горной Шории, в южной части Кемеровской области. Выбор темы исследования обусловлен, во-первых, смежностью территорий их обитания в дорусский период, что могло стать причиной их общего происхождения. Во-вторых, шорцы, как и селькупы, проживают в таежной местности, отличие в том, что их территория еще и горная. Существуют гипотезы об этногенетических связях селькупов и шорцев, о южных самодийцах тюркизированными потомками которых считают народы Северного Алтая, о наличии самодийского субстрата в этногенезе шорцев.

Степень изученности темы. Необходимо отметить, что нам не известны работы, в которых бы проводился сравнительный анализ культуры нарымских селькупов и шорцев, поэтому провести историографический обзор данной темы не представляется возможным. Однако существуют исследования, направленные на решение вопроса этногенеза, рассмотрения разных аспектов материальной и духовной культуры изучаемых народов. Работы, направленные на решение вопроса этногенеза, подробно рассмотрены в первой главе настоящей работы, поэтому не будем на них детально останавливаться.

Историко-этнологические исследования. Большая часть исследований по данной теме принадлежит ученым этнологам. В исследованиях Г. И. Пелих⁴, З. П. Соколовой⁵, А. В. Головнева⁶, А. Г. Тучкова⁷, Н. А. Тучковой⁸, Н. В. Сайнаковой⁹ большое внимание уделяется вопросам этногенеза, этнической истории и материальной культуры селькупов. Проблемам происхождения, истории и материальной культуре шорцев посвящены работы

⁴Пелих Г.И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края...Томск, 1955. Т. 14. С. 225; Она же. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края. М., 1962. Т. IV. С.176 – 196; Она же. Селькупы XVII века (очерки социально – экономической истории). Новосибирск, 1981.176 с.

⁵ Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 89–117.

⁶ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с., Он же. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

⁷ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 165–205.

⁸ Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства. (XIX–XX вв). Томск, 1999. 199 с; Она же. Верхняя плечевая одежда южных селькупов: разновидность и номинация // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 85–88.

⁹ Сайнакова Н. В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук/ Н. В. Сайнакова. Томск, 2018. 270 с.

Л. П. Потапова¹⁰, В. М. Кимеева¹¹, Т. И. Кимеевой¹² и других. Изучением духовной культуры селькупов занимались Е. Д. Прокофьева¹³, Г. И. Пелих¹⁴, И. Н. Гемуев¹⁵, Н. А. Тучкова¹⁶. Духовной культуре шорцев посвящены работы Н. П. Дыренковой¹⁷, В. М. Кимеева¹⁸, Н. А. Алексеева¹⁹. Особый интерес представляет работа А. М. Сагалаева²⁰, в которой автор вводит понятие «урало-алтайская мифология» и проводит сравнение мировоззрений соседствующих друг с другом сибирских народов.

Археологические исследования. Для проведения любого исследования по этнологии нельзя оставить без внимания археологические источники. Их значимость для этнологов велика вследствие того, что сами исследователи народов редко принимают участие в полевой археологической работе, они вынуждены обращаться к опубликованным исследованиям специалистов. Для нас ценнейшими материалами в решении вопроса этногенеза, а также для проведения сравнительного анализа особенностей материальной культуры и погребальной обрядности изучаемых народов послужили научные работы археологов. Остановимся на некоторых из них.

Большой вклад в изучение этногенеза селькупов внесла Л. А. Чиндина. На материалах раскопок могильников, она предложила свою теорию возникновения селькупов в Среднем Приобье²¹. Немногим позже А. И. Боброва продолжила изучение селькупов

¹⁰ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 492–538; Он же. Шорцы на пути социалистического развития // Советская этнография. 1950. № 3. С. 123–136.

¹¹ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.; Он же. Традиционные ремесла шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. №. 4 (56). С. 27–32.; Он же. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; ИЭиА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 250–273.

¹² Кимеева Т. И. Орудия охотничьего промысла шорцев // Шорский сб.: межвузовский сб. науч. трудов. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. Вып. 2. С. 180–198.

¹³ Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов // Труды Института этнографии. Москва; Ленинград, 1952. Т. 23. С. 88–107; Она же. Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко – самоедского) шамана // Сб. МАЭ. М. – Л., 1949. Т. 11. С. 335–375.

¹⁴ Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.

¹⁵ Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 86–139; Он же. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. 155 с.

¹⁶ Тучкова Н. А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327; Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Малони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004. 382 с; Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных. Томск, 2018. 634 с.

¹⁷ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 448 с.; Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с.

¹⁸ Кимеев В. М. Традиционные черты погребального обряда шорцев бассейна реки Мрасс // Молодые ученые и специалисты Кузбасса в 10 пятилетке: тез. докл. предстоящей науч.-практич. конф. Кемерово, 1981. С. 150–155.; Он же. Религиозные верования шорцев // Кузнецкая старина: историко-краеведческий сб. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2005. Вып. 7. С. 108–126.

¹⁹ Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. 315 с.

²⁰ Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

²¹ Чиндина Л. А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 183–184; Она же. История Среднего

через призму археологических данных. Территория ее исследования ограничена Нарымским Приобьем, множество работ посвящено изучению населения бассейна р. Тым. Вслед за Л. И. Чиндиной, используя информацию, полученную в ходе собственных археологических раскопок могильников, исследовательница делает выводы об этногенезе селькупов. Помимо решения вопроса происхождения нарымских селькупов, археолог публикует уникальные сведения об этнической истории, материальной, духовной культуре народа²². В. А. Могильников²³ и В. И. Молодин²⁴ в своих исследованиях высказывали противоположную Л. И. Чиндиной и А. И. Бобровой точку зрения, предлагая свою версию этногенеза самодийцев.

Данные лингвистики представлены как работами путешественников, так и местных исследователей. Благодаря финскому ученому М. А. Кастрену отечественные исследователи получили сведения об языках, расселении, этнонимах сибирских инородцев²⁵. Томский лингвист А. П. Дульзон привлекал данные топонимики для решения вопроса этногенеза селькупов²⁶ и шорцев²⁷.

Физическая антропология и генетика. Данный раздел включает в себя совсем немного работ. Родоначальник отечественной физической антропологии А. И. Ярхо²⁸ полагал, что шорцы имеют остячко-енисейское происхождение. Физический антрополог В. П. Алексеев²⁹ по антропологическому типу определил близость шорцев с самодийцами

Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 184 с; Она же. У истоков истории селькупов // Северная книга. Томск, 1993. С. 47–50.

²² Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально – поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 301–321; Боброва А.И., Воробьев А.А. К вопросу об участии российских переселенцев в сложении Нарымских селькупов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2004. №5. С.163–171; Она же. Селькупы XVIII – XIX ввв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007. 176 с; Она же. Проблемы хронологии, культурной и этнической принадлежности памятников II тысячелетия Нарымского Приобья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. С. 254–256; Она же. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников). Томск, 2016. С. 7–117.

²³ Могильников В. А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 65.

²⁴ Молодин В. И. Воевода Т. А., Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2003. 286 с.

²⁵ Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860.; Он же. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. 352 с.

²⁶ Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 175–187.; Он же. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М. – Л., 1960.; Он же. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361–371.; и др.

²⁷ Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Географические названия. Вопросы географии. Т. 52. М., 1962. С. 68–78.

²⁸ Ярхо А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 147 с.

²⁹ Алексеев В. П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 86–100.

и уграми. В последние годы появляются статьи, в которых рассматривается этногенез селькупов с позиции генетики. Все они принадлежат авторству В. Г. Волкова³⁰.

Научная новизна. Вопрос этногенеза селькупов является спорным с давних пор. Традиционно считается, что автором гипотезы южного происхождения селькупов является М. А. Кастрен, однако существуют сведения, что она возникла ранее. Тем не менее, доподлинно известно, что в XIX веке проблема определения происхождения селькупов уже стояла перед этнографическим научным сообществом. Нам неизвестно работы, в которой был бы проведен сравнительно-этнографический анализ элементов культуры и хозяйственной деятельности нарымских селькупов и шорцев, по выделенным нами критериям с целью решения вопроса этногенеза. Проведенная работа может доказать наличие в культуре шорцев самодийского субстрата, что может служить аргументом в пользу теории, гласящей, что самодийцы пришли с территории Саяно-Алтая: одна часть из которых ушла в таежную местность и сохранила традиционную культуру, а другая мигрировала на территорию современной Горной Шории, где и была подвергнута тюркизации.

Гипотеза: нарымские селькупы и шорцы имеют древние этногенетические связи.

Объектом исследования являются этногенетические и этнокультурные процессы у народов Сибири в XIX – первой трети XX века.

Предметом – особенности этнической истории и культуры южных (нарымских) селькупов и шорцев.

Целью работы является выявление в культуре южных селькупов и шорцев сходных элементов, обусловленных возможными древними этногенетическими связями.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Выделить особенности этногенеза шорцев и нарымских селькупов;
2. Установить ареалы расселения и основные этнические группы шорцев и нарымских селькупов;
3. Выявить общее и особенное в образе жизни и основных занятиях нарымских селькупов и шорцев;
4. Сравнить элементы материальной культуры нарымских селькупов и шорцев – жилище, национальную одежду, национальную кухню (пища, утварь, способ приготовления) и выявить общее и особенное;

³⁰Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2013. Вып. 1 (1). С. 79–97; Он же. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. Вып. 4(10). С. 109–122.; и др.

5. Провести анализ мифологии и религиозных представлений нарымских селькупов и шорцев, выявить общие и особенные сюжеты;

6. Проследить изменчивость традиционной обрядности селькупов и шорцев, выявить общие черты.

Хронологические рамки исследования XIX–первая треть XX вв. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что в данный промежуток времени формировался основной фонд этнографических источников, по которым можно судить о выделении разных групп селькупов, выделении шорцев, как самостоятельного этноса, закрепление современных этнонимов. Однако, по некоторым проблемам, используются более ранние источники, в частности, при рассмотрении вопроса этногенеза шорцев и нарымских селькупов.

Верхняя граница хронологических рамок обусловлена, во-первых, образованием в 1932 г. Тымского национального района, куда были переселены инородцы с других рек, что послужило причиной разрушения устоявшихся границ расселения нарымских селькупов, вынужденных переселиться в район р. Тым; во-вторых, процессами индустриализации и коллективизации в 1930-е г., в ходе которых на территорию Горной Шории происходила массовая миграция населения с целью сырьевого освоения Кузнецкого округа, которая не могла не повлиять на изменение хозяйственной деятельности шорцев.

Территориальные рамки исследования. Территория исследования ограничена южными районами Кузнецкого округа (для изучения шорцев) и Нарымским краем (для изучения южной группы селькупов).

Методы исследования. Общенаучные методы: анализ и синтез для выделения субстратов (компонентов) в этногенезе и культуре изучаемых народов; нарративный метод применяется для связного изложения имеющейся в источниках информации, метод аналогии позволяет выявить общие черты у изучаемых народов, используя имеющиеся критерии для сравнения.

Специальные методы: сравнительно-этнографический, который применяется автором для проведения сравнения традиционной культуры нарымских селькупов и шорцев для выявления общих и специфических черт. Историко-генетический метод позволил реконструировать процессы этногенеза и этнической истории нарымских селькупов и шорцев. В исследовании используется метод историко-этнокультурного картографирования, его суть заключается в локализации на карте мест проживания различных этносов с районированием разнообразных внутренних этнокультурных подразделений.

Работа построена на принципе междисциплинарного подхода. Междисциплинарность исследования определяется привлечением работ этнологов, археологов, лингвистов, фольклористов, физических антропологов и генетиков.

Методологической базой работы является работа Р. Ф. Итса «Введение в этнографию», в которой представлены основные положения теории этнологии, а именно затронута проблема проведения этнографических параллелей³¹. Для проведения сравнительного анализа духовной культуры мы использовали методику, разработанную А. М. Сагалаевым³².

Для проведения сравнительного анализа были выделены следующие маркеры. В хозяйственной деятельности и материальной культуре это рыболовный и охотничий инвентарь, предметы собирательства, жилище, пища, национальный костюм; в духовной – мифологические представления и традиционная семейная обрядность. Такие критерии для сравнения были выбраны в связи с тем, что в данных культурных элементах возможно сохранение архаичных черт. В рамках данной работы не представляется возможным проведение более детального анализа, это может стать темой дальнейших исследований.

Для характеристики **источниковой базы работы** автор принимает за основу типологизацию, разработанную И. Д. Ковальченко. Источники сгруппированы в соответствии с типологической принадлежностью: вещественные, письменные, изобразительные. Мы не используем понятие «этнографический источник», так как считаем, что все вышеперечисленные типы источников в данной работе можно отнести к этнографическим. Письменные исторические источники представлены в соответствии с видовой классификацией, предложенной Л. Н. Пушкаревым³³, однако в связи со спецификой работы отдельной группой выделены отчеты и записки миссионеров, фольклорные материалы, каталоги музейных коллекций.

Письменные источники.

Путевые заметки. На настоящий момент существует целый комплекс путевых отчетов, заметок путешественников, ученых. Эта группа является главной источниковой базой работы. В нее входят путевые заметки И. Г. Георги³⁴, Г. Ф. Миллера³⁵, К. Доннера³⁶,

³¹ Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. 167 с.

³² Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

³³ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: 1975. С. 265.

³⁴ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей .Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. 178 с.

³⁵ Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 172–186.

³⁶ Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008. 176 с.

В. В. Радлова³⁷, В. П. Адрианова³⁸, которые содержат в себе самые первые сведения об этнографических и природных особенностях региона. Отдельно стоит выделить М. А. Кастрена³⁹, который собрал уникальные сведения о расселении и этнических группах южных селькупов. Таким образом, эта группа источников дает нам общее представление об этносах, этнолокальных группах, природно-культурных ареалах их расселения.

Отчеты и записки миссионеров. При рассмотрении проблемы христианизации сибирских аборигенов, в условиях конфессионального разнообразия данная группа источников представляет для нас особую ценность. Чаще всего такие отчеты помимо вопросов, касающихся духовной миссии, содержат в себе этнографическое описание народов, их образа жизни, предметов материальной и духовной культуры, природы региона. В данной работе эта группа источников представлена отчетами и сборником тематических статей протоиерея В. И. Вербицкого⁴⁰.

Статистические данные. Этот корпус источников представлен экономико-статистическими и историко-краеведческими обзорами А. Ф. Плотникова⁴¹, С. К. Патканова⁴², В. Я. Нагнибеды⁴³, Е. Н. Орловой⁴⁴,⁴⁵ на основании которых возможно сделать вывод о численности этносов, а также об их этническом самосознании.

Документальные источники представлены сборником «Вехи патернализма»⁴⁶. В этом сборнике содержатся документы, имеющие значение для изучения инородцев томского Севера.

³⁷Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 718 с; Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану/ пер. Н. А. Кострова. Томск, 1881. 95 с.

³⁸Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 291–338.

³⁹Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849) / Под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.; Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849 гг.) // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т.6. Ч. 2. 495 с.

⁴⁰Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / Под ред. А. А. Ивановского. Горно-Алтайск, 1893. 270 с.; Он же. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии // Том. епарх. ведомости. 1888. С. 19–22.; Он же. Алтайцы // Томские губернские ведомости. Томск, 1969. №31. С.8–9.

⁴¹Плотников А. Ф. Нарымский край (5-й стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.

⁴²Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911.

⁴³Нагнибеда В. Я. Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеды (с приложением карты и фотографических снимков). Томск, 1927.

⁴⁴Орлова Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно – промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928.

⁴⁵Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. Санкт-Петербург: Издание И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.

⁴⁶Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в.–30-е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. Томск: Государственный архив Томской области, 2006. 446 с.

Изобразительные источники. Фотодокументы. Для получения визуальной информации о представителях этноса, сравнения предметов быта и культа, работать с которыми напрямую нет возможности по ряду причин, автор прибегает к работе с фотодокументами. Бесценными источниками для изучения родового состава и культуры нарымских селькупов являются каталоги этнографических фотографий И. С. Фатеева⁴⁷ и селькупской коллекции Колпашевского краеведческого музея⁴⁸.

Вещественные источники. Данная группа источников представлена предметами этнографических фондов МАЭС ТГУ⁴⁹. Работа с вещественными источниками позволяет автору наглядно сравнить предметы материальной (одежда, посуда, рыболовный и охотничий инвентарь и тд.) и духовной (предметы культа, фетиши, шаманские атрибуты и тд.) культуры изучаемых этносов. Наиболее ярко здесь представлены предметы, относящиеся к шорцам. Этот факт обусловлен тем, что в 1925, 1927, 1927, 1932 гг. заведующим музеем А. К. Ивановым были проведены этнографические экспедиции в Горную Шорию, результатам которых стало формирование богатой и репрезентативной шорской коллекции, которая сегодня хранится в фондах МАЭС ТГУ⁵⁰. К сожалению, предметов, относящихся к нарымским селькупам, в МАЭС ТГУ крайне мало, однако и они способны помочь создать некоторое впечатление о культуре народа. Все предметы поступили в МАЭС в период с к. XIX–первой трети XX веков, что соответствует хронологическим рамкам работы.

Каталоги музейных коллекций. При сравнении элементов хозяйственной жизни, материальной и духовной культуры важнейшую роль играют вещественные источники, которые представлены в музейных коллекциях. Однако, не всегда есть возможность лично поработать с материалом, особенно в условиях пандемии. В таком случае, для нас важное значение имеет опубликованная селькупская коллекция Колпашевского краеведческого музея⁵¹. И хотя при работе над написанием культурных особенностей шорцев были широко использованы материалы, хранящиеся в МАЭС ТГУ, важным источником по некоторым сюжетам являются каталоги шорских коллекция музеев России⁵².

⁴⁷ Каталог этнографических фотографий И. С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев. Томск, 2004. 106 с.

⁴⁸ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт.-сост. А. А. Пихновская. Томск: Ветер, 2007. 279 с.

⁴⁹ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии.

⁵⁰ Музей истории, археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского (НИ ТГУ)

⁵¹ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт.-сост. А. А. Пихновская. Томск: Ветер, 2007. 279 с.

⁵² Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Таежные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 216 с.; Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 3. Предметы быта / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 232 с.; Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 4.

Архивные материалы. Данный корпус источников совсем небольшой и представлен тетрадью А. К. Иванова «Горная Шория»⁵³, хранящейся в архиве МАЭС ТГУ. Этот источник интересен тем, что дает информацию о месте и обстоятельствах приобретения, национальном названии предметов, вошедших в шорские коллекции МАЭС ТГУ.

Картографические материалы. Эта группа источников содержит информацию о расселении изучаемых этносов, природно-географических особенностях ареалов их обитания. Необходимые сведения представлены в книге С. У. Ремезова⁵⁴, а также в атласах первой половины XX века.

Фольклорные материалы. Эта группа источников представлена текстами сказок, легенд, мифов, собранных этнографами, лингвистами в ходе экспедиций к народам. Так, здесь главным источником по мифологическим представлениям шорцев, служат работы Н. П. Дыренковой⁵⁵. Огромный материал по мифологии южных селькупов был собран Г. И. Пелих⁵⁶ и группой ученых: Н. А. Тучковой, А. И. Кузнецовой, О. А. Казакевич, А. А. Ким-Малони, С. В. Глушковым, А. В. Байдак⁵⁷.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на разделы, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, рассматривается ее степень изученности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, обуславливается выбор хронологических и территориальных рамок исследования, дается характеристика источниковой базы и теоретико-методологической основы работы.

В первой главе «Некоторые вопросы этногенеза селькупов и шорцев» в первом и втором разделе представлены существующие на настоящий момент гипотезы происхождения изучаемых народов и сформулирована собственная позиция по данной проблеме. Таким образом, данные разделы имеют, скорее, историографический характер. Во втором разделе определены этнонимы и территория проживания селькупов и шорцев.

Вторая глава «Материальная культура селькупов и шорцев» состоит из двух разделов, в каждом из которых рассмотрены элементы материальной культуры с целью

Одежда и украшения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. 169 с.; Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 5. Духовная культура / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. 135 с.

⁵³ МАЭС ТГУ, архив, дело № 112.

⁵⁴ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб, 1882.

⁵⁵ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 448 с.

⁵⁶ Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 1998. 79 с.

⁵⁷ Мифология селькупов / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, А. А. Ким-Малони [и др.]; под ред. В. В. Напольских. Томск, 2004. 382 с.

выявления общего и особенного у селькупов и шорцев. В первом разделе рассматривается хозяйственная деятельность и основные занятия, во втором – национальная кухня и одежда.

Третья глава «Духовная культура селькупов и шорцев» посвящена рассмотрению и сравнению элементов духовной культуры нарымских селькупов и шорцев. В первом разделе проведено сравнение мифологических представлений этносов, во втором – некоторые элементы семейной обрядности.

В заключении предоставлены результаты работы, сделаны выводы о наличии / отсутствии древних этногенетических связей селькупов и шорцев. Также имеется список использованной литературы и источников, а Приложения содержат в себе картографические материалы и фотографии.

Прежде чем приступить к изучению культуры этноса, а тем более перейти к попыткам проведения сравнительного анализа, необходимо уделить внимание вопросу происхождения изучаемого народа. В первую очередь необходимо предоставить определение основного понятия. Этногенез (от лат. *etnos* - народ и *genesis* – возникновение, происхождение) – процесс возникновения и происхождения стадий развития этнических общностей; связан с образованием языка, становлением культуры, формированием самосознания⁵⁸. В данном разделе будут представлены основные гипотезы историков, археологов, лингвистов, генетиков, антропологов, этнологов по этому вопросу, а также попытки автора настоящей работы обозначить свое видение решения данной проблемы.

1.1 Этногенез нарымских селькупов

Необходимо отметить, что в данном разделе рассматривается вопрос этногенеза лишь нарымских селькупов. Ряд этнологов посвятили свои работы происхождению северной группы селькупов, но в настоящей работе не представляется необходимым углубляться в изучение этого вопроса. Н. А. Тучкова в своей диссертации «Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных» 2018 г. приводит концепции этногенеза, предложенные разными учеными⁵⁹. Опираясь на сведения, изложенные Тучковой, а также непосредственно на сами исследования, посвященные этногенезу, представим основные теории возникновения селькупов как этноса.

Начать разговор об этногенезе селькупов стоит с теории, выдвинутой М. А. Кастреном. Матиас Александр Кастрен науке известен, в первую очередь, как лингвист, исследователь финно-угорских и самодийских языков, однако сейчас наибольший интерес в рамках данной работы представляет его южная гипотеза возникновения селькупов. Не станем подробно пересказывать изыскания Кастрена, это сделано уже не в одной работе⁶⁰, а остановится непосредственно на гипотезе возникновения селькупов. В письмах статскому советнику Шёргену ученый делает важное открытие: он дифференцирует остяков и самоедов, заявляя, что «остяки Томской губернии отнюдь не остяки и не особенное, как полагает Клапрот, племя, произошедшее от смешения остяков с

⁵⁸ Донкова Л. Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. Улан-Удэ, 2006. С.11.

⁵⁹ Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д – ра ист. наук/ Н. А. Тучкова. Томск, 2018. С.157–193.

⁶⁰ Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 18–22.

самоедами, а настоящие самоеды, распространившиеся от Тыма до Чулыма»⁶¹. Он отмечает отличие в языке местных самоедов от северных и выделяет у них три диалектно – локальные группы⁶². Нужно заметить, что целью ученого был поиск этногенетических связей финнов, а самоеды играли здесь скорее сопутствующую роль. Однако исследователь решает вопрос селькупского этногенеза, о чем свидетельствует следующее утверждение. «Что самоеды вышли с Алтая – это не подлежит никакому сомнению, потому что так много ветвей этого племени открыто и часть откроется еще близ этого горного хребта»⁶³.

В. Н. Чернецов на материалах археологических раскопок предположил, что селькупы появились в результате миграций представителей таштыкской культуры в районы Среднего Приобья. По его версии селькупы – это угры, ассимилированные таштыкскими племенами⁶⁴. Однако в более поздних исследованиях археолог отказался от этой версии и выдвинул предположение, что предками селькупов было население культуры, сменившей кулайскую⁶⁵.

Продолжая тему роли лингвистов в изучении происхождения народов, рассмотрим этногенетическую теорию известного томского лингвиста, этнографа, археолога А. П. Дульзона. Дульзон считал, что для решения вопроса этногенеза, необходимо обратиться к данным топонимики. По его мнению, процессы складывания, развития, изменения этнических групп возможно проследить по старым топонимам⁶⁶. Данное заявление он сделал, ссылаясь на учение об этногенезе, предложенное С. А. Токаревым⁶⁷. Особое внимание исследователь уделял водным топонимам – гидронимам. Выделив селькупских гидроним на «ка», он утверждал, что гидроним распространен в замкнутом ареале, совпадающем с исторической родиной селькупов⁶⁸. На основании данных топонимики исследователь выявил границу между селькупскими и кетскими на Чулыме, которая, по его версии, проходит в верховьях Кети: «к западу или северо-западу отсюда проживали

⁶¹Кастрен А. Сочинения в 2 – х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. С.102.

⁶²Там же. С.102.

⁶³Кастрен А.М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860. С. 245.

⁶⁴Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 189.

⁶⁵Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. Вып. 4. М., 1971. С. 105.

⁶⁶Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч.Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С. 176.

⁶⁷Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949, № 3. С.10.

⁶⁸Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 364.

селькупы, к востоку или северо-востоку – кеты»⁶⁹. Селькупы, проживавшие в низовьях Чулыма, избежали тюркизации, но впоследствии были ассимилированы русскими⁷⁰.

Г. И. Пелих в своей работе «Происхождение селькупов»⁷¹ прибегла к выделению пяти этнических компонентов, послуживших, на ее взгляд, основой для образования селькупского этноса. По версии Г. И. Пелих, формирование селькупского этноса происходило следующим образом. В III тыс. до н.э. на территории Томско-Нарымского Приобья проживали квеликупы и маеткипы, которые стояли на одной ступени экономического развития, но при этом имели различия в важнейших этнических признаках (Компоненты «Б», «В»). Во II тыс. до н.э. на эту территорию с юга пришли киенкумы, принесшие с собой новые формы рыболовства, жилище и т.д. (Компонент «А»). Затем в Нарымском Приобье появились тюркоязычные народы: теле и йаланы, а вместе с ними и новые формы материальной и, в меньшей степени, духовной культуры (Компонент «Г»). У нарымских селькупов компонент «Г» выражен крайне слабо. Наконец, в начале I тыс. до н.э. из областей Саяно-Алтайского нагорья на территории современной Томской области появляются представители самодийской группы – касакупы (Компонент «Д»). По мнению Г. И. Пелих, именно они являются предками современных селькупов⁷².

Известный археолог Восточной Сибири Л. Р. Кызласов, занимаясь вопросом этногенеза хакасов, отметил интересную особенность в названии районов расселения селькупов. Так, по его словам, топонимы: Напас-кы, Локес-кы и другие состоят из двух основ: к угорскому «ас» присоединяется селькупское «кы». Таким образом, селькупы, вероятнее всего, имели общее происхождение с угорскими народами⁷³.

З. П. Соколова из всех имеющихся на момент 1980 г. этногенетических гипотез самой убедительной считала версию В. Н. Чернецова. В след за ним она утверждала, что существует общая уральская основа, затрудняющая деление культур на угорские и самодийские. Однако З.П. Соколова отмечала, что угорская культура более древняя, нежели самодийская, а различия в культуре селькупов и хантов возникли в результате влияния самодийских племен, смешавшихся с аборигенами Среднего Приобья. Относительно вопроса происхождения селькупов, она не дала однозначного ответа, объясняя это недостаточностью имеющихся сведений⁷⁴.

⁶⁹Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. Томск, 1950. Т. VI. С.180.

⁷⁰Там же. С. 180.

⁷¹Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.

⁷² Там же. С. 316–319.

⁷³ Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки ХакНИИИЯЛИ. Вып. 7. Абакан, 1959. С. 74.

⁷⁴Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 113–115.

Томский археолог Л. А. Чиндина на территории Сургуто-Нарымского Приобья выделила кулайскую культуру, носителями которой, по версии ученой, были древние предки селькупов⁷⁵. На основании полевых данных раскопок могильника Рёлка исследовательница провела аналогии с погребальной обрядностью селькупов XVI–XVII вв. и предположила, что народов таежного Приобья преобладающим этническим компонентом был самодийский⁷⁶. Согласно версии Чиндиной, кулайская культурная общность соответствует позднесамодийской этноязыковой общности, которая в свою очередь представлена среднеобской группой праселькупов. Кулайцы-самодийцы, по средствам миграций, заняли всю Западно-Сибирскую равнину, в результате чего появились следующие группы праэтносов: верхнеобская, нижнеобская и среднеобская. Л. А. Чиндина считает среднеобскую группу самодийцев автохтонной. Кулайцы достигли предгорий Алтая, а с усилением алтайских тюрок отошли и осели восточнее в Саянах. Исследовательница предполагает, что в результате миграций в IX в. тюрки, вступив в контакт с самодийцами, заняли Томской Приобье, а Сургутское Приобье оказалось заселено древнехантыйскими племенами. В этих условиях среднеобские самодийцы оказались отрезаны от северной и южной самодийской группы, такая изоляция обеспечила своеобразие селькупского этноса. Таким образом, по мнению Л. А. Чиндиной, кулайцы-самодийцы были предками представителей рёлкинской культуры, которых исследовательница причисляет к селькупам⁷⁷.

Другой томский археолог А. И. Боброва на основании данных раскопок могильников, этнографических и лингвистических исследований ученых по этой теме представила свое видение этногенеза нарымских селькупов. Вслед за Л. И. Чиндиной исследовательница считает, что в составе селькупского и праселькупского этноса можно выделить автохтонный субстрат, который в данном случае, представлен потомками кулайцев. Проведя параллель с этнографическими данными, она предположила, что таким автохтонным населением Нарымского Приобья были «квеликупы»⁷⁸. Исследовательница выделила нарымскую археологическую культуру (к I–нач. II тыс.), и в погребальном обряде носителей дифференцировала три этнических компонента: тюркских, угорский и

⁷⁵ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 120–123.

⁷⁶ Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 184.

⁷⁷ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. С. 128–129.

⁷⁸ Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально-поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 318.

автохтонный (релкинский)⁷⁹. В начале II тыс., релкинская культура прекратила свое существование, а часть самодийцев под воздействием тюрков была вынуждена отступить на север⁸⁰. По мнению археолога, окончательно процесс формирования древнеселькупского этноса завершился ко второй четверти II тыс., о чем свидетельствуют сохранившиеся у населения черты релкинского погребального обряда и керамики⁸¹.

Новосибирский археолог В. И. Молодин придерживается полярной точки зрения. По его мнению, Горный Алтай – исконная территория жизни самодийцев, откуда те были вынуждены переселиться в более северные районы сначала под воздействием набегов гуннов, позже – по причине тюркизации Южной Сибири⁸².

В. Г. Волков делает выводы о происхождении селькупов, опираясь на данные генетики. По материалам экспедиций 2012 и 2013 гг. в Парабельский и Верхнекетский районы он выделяет в составе генофонда южных селькупов шесть гаплогрупп, которые в свою очередь разделил на три группы: юго-западную, восточную и северную⁸³. Эти группы в дальнейшем автор называет «генетическими компонентами» и пытается выявить их происхождение. Так, по его мнению, северный компонент связан с самодийцами и соотносится «либо с миграциями носителей гребенчато-ямочной культуры, либо с миграциями носителей крестовой традиции»⁸⁴; восточный компонент связан с енисейцами и кетами, которые предположительно занимали территорию Молчановского Причумылья, Нижнего Притомья, северную часть Барабы; юго-западный компонент соотносится с населением андроновской культуры, имеющих южное происхождение, и, несмотря на то, что «последний компонент роднит селькупов с хантами», по мнению Волкова, селькупы имеют все же не угорское происхождение⁸⁵.

Н. А. Тучкова на основании собственных исследований, работ археологов, лингвистов, этнологов рассматривает вопрос этногенеза южной группы селькупов. Проанализировав лингвистические данные, сведения об оленеводстве и верхней одежде, исследовательница говорит о невозможности на настоящий момент сделать вывод о происхождении селькупов. Лингвистические данные свидетельствуют об автохтонности селькупского этноса, в то время как информация о верхней одежде и оленеводстве

⁷⁹ Боброва А.И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников). Томск, 2016. С. 55.

⁸⁰ Там же. С. 79–81.

⁸¹ Там же. С. 86.

⁸² Молодин В.И. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. Новосибирск, 2003. С.168.

⁸³ Волков В.Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Томск, 2015. Вып. 4 (10). С.109 – 110.

⁸⁴ Волков В.Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Томск, 2015. Вып. 4 (10). С. 116.

⁸⁵ Там же. С.116–117.

подтверждает гипотезы сторонников прищлости селькупов с более южных районов. Таким образом, вслед за предыдущими исследователями Н. А. Тучкова считает, что на начало II тыс. селькупы уже присутствовали на территории Нарымского Приобья, но однозначного ответа на вопрос этногенеза не дает⁸⁶.

1.2 Этногенез шорцев

Известный кемеровский этнограф-тюрколог В. М. Кимеев в своей статье «Проблема этногенеза шорцев»⁸⁷ представил основные концепции этногенеза шорцев. На основании статьи, а также самих исследований авторов приведем основные точки зрения по вопросу происхождения шорского этноса.

Тюрколог В. В. Радлов первый предложил считать шорцев отдельным народом Саяно-Алтая⁸⁸. По мнению Радлова, шорцы являются потомками бывших кузнецких татар, которые, в свою очередь, произошли от енисейцев. По языку шорцы родственны сагайцам, что, по словам В. В. Радлова, свидетельствует о том, что шорцы были подвергнуты тюркизации своими киргизскими соседями⁸⁹. Таким образом, Радлов придерживается точки зрения, что шорцы – это тюркизированные енисейцы.

Тюрколог Н. А. Аристов вслед за В. В. Радловым относит шорцев к «отюрченным енисейцам и самоедам бассейна верхней Оби»⁹⁰.

Этнограф, археолог, путешественник А. В. Адрианов считал выделение шорцев В. В. Радловым в отдельную группу народов не совсем корректным. Он полагал, что шор – не более, чем название сеока. Язык, костюм и жилище всех народов северного Алтая, по его мнению, были одинаковы и оснований для отделения шорцев от черневых татар нет⁹¹.

Протоирей Василий Вербицкий высказывал иную точку зрения: шорцев он относил к черневым татарам (которые сегодня носят этноним «тубалары»), а насчет происхождения черневых татар у него не было единого мнения. Вербицкий писал, что происхождение черневых татар сомнительно: они могли, по мнению Вербицкого, быть как монгольского происхождения, так и «финского племени, только слились с народностью монгольской»⁹².

⁸⁶Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д – ра ист. наук/ Н.А. Тучкова. Томск, 2018. С.181–192.

⁸⁷ Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2014. Вып. 3 (59) Т.3. С. 54–66.

⁸⁸ Там же. С. 54.

⁸⁹ Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 94.

⁹⁰ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина: журн. Мин. нар. просвещ. СПб., 1897. Вып. III – IV. С. 343.

⁹¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 292–293.

⁹² Вербицкий В. Алтайцы // Томские губернские ведомости. Томск, 1969. №31. С. 8–9.

Этнограф и лингвист В. Г. Богораз высказал альтернативную точку зрения: он считал, что шорцы являются потомками палеоазиатов. Помимо шорцев к потомкам древнейших палеоазиатов он также относит и долганов, карагасов, сойотов. Такой вывод он делает на основании наблюдений за основными хозяйственными занятиями этих народов. Так шорцы, по словам Богораза, «до сих пор являются пешими охотниками, собирателями дикого меда, неохотно усваивающими турецкое скотоводство и русское земледелие»⁹³.

Этнограф С. В. Иванов строил гипотезы о происхождении шорцев на основании предметов декоративного искусства и орнамента. Так, прямолинейный орнамент шорцев близок орнаменту алтайскому, хакасскому и тувинскому, а криволинейный орнамент близок кумандинскому⁹⁴. Таким образом, Иванов подтверждает точку зрения о родстве шорцев с северными алтайцами.

Этнограф Н. В. Лукина занимается изучением хантов. Изучая формирование материальной культуры восточных хантов, исследовательница пришла к выводу, что шорцы и ханты имеют множество схожих черт в ткачестве⁹⁵, изготовлении одежды⁹⁶, предметах быта⁹⁷, прическах⁹⁸ и других элементах материальной культуры. Надежда Васильевна полагает, что некоторые элементы материальной культуры, в частности особенности кроя кисетов шорцы и восточные ханты могли перенять у общих предков, которые жили, вероятно, на территории Монголии, так как аналогичные кисеты встречаются у монголов⁹⁹.

Один из основателей советской физической антропологии А. И. Ярхо считал, что шорцы отчетливо отделяются от теленгитов, алтай-кижи и телеутов, которых В. В. Радлов предложил объединить в особую группу южных алтайцев, северные алтайцы (тубалары, кумандинцы и лебединцы) по родовому составу не близки к шорцам. Шорцы же, по мнению Ярхо, имеют сходный родовой состав с хакасами и, вероятнее всего, имеют остячко-енисейское (кетское) происхождение¹⁰⁰.

Известный московский физический антрополог В. П. Алексеев считал, что шорцы по происхождению не относятся к тюрским народам, однако лингвистически их

⁹³ Богораз В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. МАЭ, 1927. Т. VI. С. 42.

⁹⁴ Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 372.

⁹⁵ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры у хантов. Восточная группа. Томск, 1985. С. 152.

⁹⁶ Там же. С. 148, 159, 173–174.

⁹⁷ Там же. С. 246.

⁹⁸ Там же. С. 229.

⁹⁹ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры у хантов. Восточная группа. Томск, 1985. С. 256.

¹⁰⁰ Ярхо А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. С. 15.

тюркизация не подвергается сомнению. Алексеев полагал, что шорцы как этнос были сформированы на основе населения, проживающего в лесной зоне Северного Алтая и говорящего на самодийских, угорских либо кетских языках. Тюркизация же, по его мнению, была результатом исключительно культурных связей, так как антропологический тип шорцев не изменился¹⁰¹.

Физический антрополог А. Р. Ким на основании краниологических серий, полученных в результате раскопок, проведенных в ходе антропологических экспедиций Томского университета сделал следующие выводы: шорцы, по его мнению, занимают промежуточное положение между монголоидной и европеоидной расой и наибольшее сходство имеют с бачатскими телеутами¹⁰².

Томский лингвист, археолог, этнограф А. П. Дульзон по данным топонимики определил, что на местах расселения шорцев – реках Мрассу, Томи и верховьям Абакана распространены кетские названия, а на реке Кондоме большая часть топонимов – самодийские. Так, по словам Дульзона, тюркский пласт наложился на кетосамодийскую общность, которая и являлась предками шорцев¹⁰³.

Известный археолог Л. Р. Кызласов изучал топонимы и, на основании изученного, сделал вывод, что название рек Мрас-су, Терес-су, Тельбес-су представляют собой смесь тюркской и угорской лексики¹⁰⁴. Таким образом, Кызласов утверждал, что корни происхождения шорцев берут свое начало в древней угорской общности, однако шорцы, по его словам, подверглись тюркизации в древности в VI–X вв¹⁰⁵.

Археолог У. Э. Эрдинеев проводил раскопки городища Маяк (II тыс. до н.э. – VII–XII века до н.э.). Результаты проведенных работ показали, что данное население было близко к обским уграм и шорцам, что могло служить доказательством их древних этногенетических связей¹⁰⁶.

Этнограф, один из самых выдающихся исследователей Южной Сибири, Л. П. Потапов считал, что шорцы являются тюркизированными потомками угорских, самодийскоязычных и кетоязычных аборигенов северной, таежной части Саяно-Алтайского нагорья. По антропологическому типу шорцы близки к хантам и манси.

¹⁰¹ Алексеев В. П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 100.

¹⁰² Ким А. Р. Материалы по краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 181.

¹⁰³ Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Географические названия. Вопросы географии. Т. 52. М., 1962. С. 78.

¹⁰⁴ Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 7. Абакан, 1959. С. 74.

¹⁰⁵ Там же. С. 88.

¹⁰⁶ Эрдинев У. Э. Городище «Маяк». Кемерово, 1960. С. 63.

Потапов не был полностью согласен с гипотезой, гласящей, что шорцы являются тюркизированными потомками кетов, однако он отмечал их безусловное сходство в некоторых этнических элементах: ряд бытовых особенностей, обрядов и обычаев¹⁰⁷. Так же Потапов признавал присутствие у шорцев определенных самодийских этнических элементов, что доказывает связь шорцев с селькупам. Помимо этого, этнограф отмечал наличие в составе шорцев древнетюркских элементов¹⁰⁸.

Этнограф В. И. Васильев занимался изучением самодийских народов. В статье, посвященной тундровым энцам, он сделал вывод о том, что шорцы – это представители южносамодийского рода «Чор», который вследствие появления на Алтае кочевников-тюрков был вынужден расколоться на две части. Одна часть этого рода мигрировала на север и вошла в состав ненцев, другая откочевала на Саяны, те представители рода «Чор», что остались на Алтае подверглись влиянию тюрков и впоследствии составили основу современных шорцев¹⁰⁹.

Известный кемеровский этнограф В. М. Кимеев занимался изучением шорцев. Представив все существующие на момент написания статьи гипотезы этногенеза шорцев, он постановил, что делать выводы о происхождении шорцев как единого этноса не совсем корректно, так как это порождает большую путаницу, наиболее эффективно, на его взгляд, было бы разобраться с происхождением каждой отдельной этнолокальной группы исторических предков шорцев, состоящей из сеоков (вторичных кровнородственных родов) и телей (больших семей)¹¹⁰. Родовой состав шорцев, предложенный Кимеевым будет подробно представлен в следующем разделе.

Таким образом, на сегодняшний день существуют следующие гипотезы происхождения селькупов и шорцев.

1. Нарымские селькупы – автохтонное население, часть которого в последствии мигрировала на предгорья Алтая.
2. Южные селькупы пришли с территории Саяно-Алтая.
3. Шорцы – это самодийцы, подвергшиеся тюркизации.
4. Шорцы – это тюркизированные угры.
5. Шорцы – это отюрченные енисейцы.

Мы полагаем, что все вышеупомянутые гипотезы имеют право на существование, однако, наиболее убедительной представляется версия миграции самодийцев с Саяно-

¹⁰⁷ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 494.

¹⁰⁸ Там же. 496.

¹⁰⁹ Васильев В. И. К проблеме этногенеза самодийских народов // Социальная организация в культуре народов Севера. М., 1974. С. 155-156.

¹¹⁰ Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2014. Вып. 3 (59) Т.3. С. 56.

Алтая на территорию Нарымского Приобья и Горной Шории под воздействием тюрков, таким образом, вероятно, что самодийцы, которые оказались на территории Горной Шории были тюркизированы и образовали шорский этнос. В последующих главах будет проведен сравнительный анализ элементов материальной и духовной культуры двух народов, что позволит судить о наличии самодийского субстрата у шорцев.

1.3. Расселение и основные этнические группы нарымских селькупов

Южная группа селькупов занимала территорию Нарымского края, субэтносы локализовались в Бакчарском, Верхнекетском, Каргасокском, Колпашевском, Парабельском районах современной Томской области. До XVII века селькупы проживали в Среднем Приобье, по притокам Тым, Кеть, Чулым, Чая, Шегарка и Васюган (до среднего течения вместе с Чижапкой), Парабель (с Чузиком и Кенгой). В XX веке территория локализации селькупов сузилась до рек Тым, Парабель, Кеть, которые являются притоками Оби¹¹¹. Важно отметить, что этноним сѣлкуп – это обобщающее название для нескольких этнолокальных групп. Этноним был введен в научный оборот в 1930 г. и закреплён за представителями данного этноса.

Селькупы были расселены на территории двадцати трех инородческих волостей. По сведениям имеющимся на 5 декабря 1897 г. это были следующие волости: Тогурская порубежная (юрты Канеровы, Испаемы, Островные, Езенгины), Тогурская (юрты Тягловы, Иготкины), Пиковская (юрты Иванкины, Кияровы), 3-я Парабельская (юрты Инкины, Ромашкины), 3-я Парабельская отдельная (юрты Зайкины, Минеевичи 1-е, Минеевичи 2-е, Моколовы), Ларпинская (юрты Басмасовы, Сагандуковы), 4-я Парабельская (юрты Ипоковы, Мумышевы, Невальцевы, Кюнданак, Покотонак, Чоурги, Ненганак), Верне-Подгорная (юрты Ласкины, Чиряевы), 1-я Парабельская 1-й половины (юрты Парбы, Мымышкины), 2-я Парабельская (юрты Саиспаевы, Мункулы, Черзанак, Мирон – Углин), Нижне-Подгорная 1-й половины (юрты Мысовы, Пыжины, Пыжины-Заречные, Зайсеки, Тюхтеревы), Нижне – Подгорная 2-й половины (юрты Мизуркины, Тюнгунак, Тибинач, Каши, Канаскины, Ишки, Маргины, Киндал), 1-я Парабельская 2-й половины (юрты Невольканак, Кольджи, Согильнак, Калканак, Сайгуловы, Сыготкины, Пырсовы, Турашевы, Чудзик), Подгорная Пайдушная (юрты Митькины (Парсат)), Тымская 1-й половины (Ачангины (Аджангины), Ачангины (Аджангины), Никулкины, Пергаманзины,

¹¹¹ Аксянова Г.А., Васильев В.И. Общие сведения [селькупы] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. /отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. С. 304.

Мидейкины, Неготкины, Кулеевы, Чигины, Варгананжины, Кочеедровы, Напас 1-й, Напас 2-й, Косесс, Кананак, Комбас, Палькарамо, Лымбелькарамо, Тедельканак, Ванжилькинак, Нюлярды, Ый, Усть-Карга, Кулгуяк, Высков-Яр 1-й, Высков Яр 2-й, село Тымское), Тымская 2-й половины (юрты Пудзеевы (Верхние Казацы), Нижние Казацы), Чилины, Любацкие, Каргалдай, Ньюрвант, Варганак летние, Варганак зимние), Няньжинская (юрты Тайные, Боркины, Палочкины, Ганькины, Савкины), Кашкинская (юрты Широковы, Сегондины, Карбины, Карелины, Мулешкины, Ибескины), Питкинская (юрты Каяксины, Алипкины), Иштановская (юрты Миташкины, с. Максимоярдовское (Кетное)), Лелькинская (юрты Аргаусовы, Бергуновы, Пирины, Зубрековы, Кандуковы, Озерные (Карелины), Лукьяновы, Орликовы), Киргеевская (юрты Ильдкйкины, Яшуткины, Актабаевы, Кизюровы, Жигаловы)¹¹². Однако, из сведений, предоставленных Паткановым, становится ясно, что к началу XX века селькупы заняли низовья реки Васюган – Лариатская инородческая волость (юрты Зимние Варганаки, Ньюр-вант, Каргалдай, Летние Варганаки)¹¹³.

Такая ситуация сохранялась до 1920-х гг., когда в связи с началом проведения национально-государственной политики, на территории Нарымского края началось проведение реорганизации инородческих волостей. В сентябре 1922 г. по решению коллегии Губернского отдела по делам национальностей 11 инородческих волостей (на 1922 г. существовала 21 инородческая волость) на территории Нарымского края реорганизуются в Иванкинскую (территории бывших Тогурско-Порубежной, Нижне-Тогурской, Пиковской, 3-й и 4-й Парабельской, Ларпинской, Верхне – Подгорной волостей) и Васюганскую (территории бывших Лариатской, Усть-Чижапской, Васюганской, Айполовской волостей) инородческие волости по р. Оби с селькупским населением в 1044 человека¹¹⁴. К 1930 г. было завершено создание национальных советов, в Каргасокском районе функционировали Напасский, Чижапский, Нюрольский туземные советы (селькупские), в Колпашевском районе – Широковский и Верхнекетский. В 1932 г. на территории Напасского тузсовета был создан Тымский национальный район, в который вошли Лымбельский, Напасский, Кананакский и Ванжиль-Канананский туземные советы¹¹⁵. С образованием Тымского национального района на территорию реки Тым

¹¹² Плотников А. Сведения об инородцах Нарымского края, собранные земским заседателем 5 – го участка Томского округа для окружного исправника // Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30 – е гг. XX в.). Томск, 2006. С. 73–76.

¹¹³ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. С. 148.

¹¹⁴ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв). Томск, 2016. С. 171–172.

¹¹⁵ Там же. С 172.

начали активно переселяться селькупы с Колпашевского, Парабельского и Каргасокского районов, помимо селькупов на р. Тым с соседних районов иммигрировали другие инородцы (ханты, эвенки)¹¹⁶. Одновременно с этим появляется тенденция заселять русских на неосвоенные селькупам земли, сначала только на время охоты и сбора дикоросов, позднее – в качестве постоянной меры¹¹⁷. К середине 1930 г. территория Нарымского края служила местом для вселения репрессированных, в этих условиях началась вторая волна миграций селькупов с рр. Парабель, Кенги, Оби и Васюгана на Тым. Таким образом, Тымский национальный район оказался на 70% заселен пришлыми селькупам¹¹⁸.

Итак, нарымские селькупы – это собирательное название для нескольких этнолокальных групп, таких как чумылькупы (бассейн рек Тыма, Васюгана, Парабели и Оби в районе Нарыма), шёшкупы (район между средним и верхним устьями реки Кети – пос. Иванкино – Колпашево), сюзсыкумы (р. Обь между устьями Чаи и Чулыма), сюзсогойкумы (р. Чая), тойкумы (низовья Чулыма)¹¹⁹. Селькупы обустривали свои поселения исключительно в пограничной прибрежной зоне – на берегу водоемов. Допустимы были два варианта: либо они селились непосредственно в пойме реки, либо на берегу речной трассы, незатопляемой во время весеннего половодья¹²⁰.

1.4 Расселение и основные этнические группы шорцев

Этноним не является для шорцев самоназванием, он был искусственно им присвоен. В.В. Радлов говорил, что алтайцы называют «шор» народ, проживающий «в лесистых горах между Телецким озером и районам истока реки Томь»¹²¹. Радлов писал следующее: «Я объединил татар, живущих на Томи, Мрасе и Кондоме, общим названием «шорцы», хотя сами они не называют себя единым народом. Меня побудило к этому то, что они говорят на почти одном языке, который я называю шорским диалектом, и то, что как телеуты, так и их западные соседи – лебединцы и черневые татары – называют всех их *шор-кижи*»¹²². Сами шорцы называли себя по рекам, на берегах которых проживали. Так, по сведениям Радлова, существовало три основных самоназвания для шорцев: пызас киж

¹¹⁶ Каталог этнографических фотографий И.С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев. Томск, 2004. С. 106.

¹¹⁷ Тучков А.Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Прибытие II тысячелетия н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 173.

¹¹⁸ Там же. С. 173.

¹¹⁹ Тучкова Н.А. Южные (нарымские) селькупы // Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 19.

¹²⁰ Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. С. 81.

¹²¹ Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 93.

¹²² Там же. С. 209.

(люди с Псаса), мырас кижы (люди с Мраса), том кижы (люди с Томи)¹²³. Н. А. Аристов писал: «Шорцы живут в покрытых лесами горах между Телецким озером и вершинами на р. Томи, Мрассе, Пызасе, Кобуре и Кондоме».¹²⁴ Иногда шорцы могли называть себя по наименованию сеоков (Кобый, Карга, Кый и другие) или по названию административной единицы: административного рода или управы (Таяш-чоны – Таяшская волость)¹²⁵.

По данным XVIII в. существовало несколько этнических общностей, которые впоследствии составили ядро шорского этноса: сеоки кара-шор, сары-шор, ак-шор, узют-шор, таеш, чорал, кечин, кызай, кобий, кый, карга, челей, чедибер, калар¹²⁶.

Немецкий путешественник, этнограф И.Г. Георги в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» не описывал такой народ, как шорцы, что вполне закономерно, так как выше было сказано, что этот этноним был им искусственно присвоен, зато он упоминал два других народа: абинцы и бирюссы (бирюсские татары), судя по всему эти народы и образовали в дальнейшем шорский этнос.

И.Г. Георги писал, что абинцы ранее проживали в окрестностях Кузнецка, однако под натиском телеутов, что пришли из Белых гор, были вынуждены мигрировать по Томи, где и остались жить «при двух Томских реках, а именно Кондоме и Мразу»¹²⁷. В состав абинцев входили пять локальных групп: нижнекондомская, чумашская, мундыбашская, антропская, нижнемрасская¹²⁸.

Нижнекондомская группа состояла из потомков сеоков себи, тарткын, аба, кереш, которые к началу XX в. утратили свои родовые особенности под влиянием русского населения¹²⁹. В чумашскую группу абинцев входили сеоки таг-аба, кара-аба. Некоторая часть таг-аба вошла в состав телеутов, но большинство вошло в состав шорцев и

¹²³ Там же. С. 94.

¹²⁴ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина: журн. Мин. нар. просвещ. СПб., 1897. Вып. III–IV. С. 343.

¹²⁵ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 493.

¹²⁶ Кимеев В.М. Шорцы. Формирование родового состава // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 245.

¹²⁷ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей .Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. С. 162.

¹²⁸ Кимеев В.М. Шорцы. Формирование родового состава // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 246.

¹²⁹ Там же. С. 246–247.

кумандтинцев¹³⁰. Большинство представителей сеока калар и чедибер составляли мундыбашскую группу абинцев¹³¹. В антропскую группу абинцев входили сеоки челей и чедибер¹³². Нижнемерасская группа абинцев состояла из потомков сеоков челей, тарткын, аба¹³³.

И. Г. Георги выделил бирюссос (бирюсских татар) в качестве отдельного народа. По его словам, «бирюссы кочевали при Бирюсе, вышедшей из Тистевы реки, впадающей с левой стороны в Нижнюю Тунгузку»¹³⁴. Затем, после прихода русского населения, бирюсские татары были вынуждены жить в горах в верховьях Кондомы, а, на момент путешествия Георги, они кочевали возле качинцев при реке Абакан¹³⁵. Все бирюссы были разделены на четыре аймака или колена: Кобанский (53 мужчины), Киргинский (40 мужчин), Каинский (25 мужчин), Москинский (50 мужчин). Георги отмечал, что по внешнему виду и нраву бирюссы похожи скорее на телеутских татар¹³⁶.

Верхнекондомская группа бирюсинцев к концу XIX в. состояла из сеоков ак-шор, кара-шор, сары-шор, челей. Эти сеоки были расселены от верховьев реки Кондомы до села Кондомского. Происхождение сеока шор, который дал название всему этносу остается неясным до сегодняшнего дня¹³⁷. Известно, что сеок Шор локализовался на реке Кондоме и миссионеры стали называть этим именем все народы, проживающие вблизи, в том числе и телеутов, алтайцев, хакасов¹³⁸.

В. В. Радлов писал, что всех шорцев по образу жизни можно разделить на две группы: шорцы-земледельцы (низовья Мраса и Томи и Кондоме), жители черных гор (верховья Мраса и Кондомы). Обе выделенные группы шорцев он считал оседлыми, опровергая господствующее на тот момент мнение о том, что «жители черных гор» – кочевое население, по его наблюдением, на момент его путешествия, все шорцы проживали оседло¹³⁹.

¹³⁰ Кимеев В.М. Шорцы. Формирование родового состава // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 247.

¹³¹ Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2014. Вып. 3 (59) Т.3. С. 63.

¹³² Там же. С. 64.

¹³³ Там же. С. 64.

¹³⁴ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей .Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских - СПб., 1799. С. 165.

¹³⁵ Там же. С. 165.

¹³⁶ Там же. С. 165.

¹³⁷ Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2014. Вып. 3 (59) Т.3. С. 62–63.

¹³⁸ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 493.

¹³⁹ Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 209.

Таким образом, шорцы – это собирательное название для нескольких проживающих рядом этнических групп, записанных под наименованием «абинцы» и «бирюссинцы». Основные группы шорцев проживали на реках Кондоме, Мрассу, Томи.

Расселение основных групп южных селькупов и шорцев отмечено на карте. Также на карте отмечено расселение северных алтайцев, так как в изучаемый период некоторые путешественники относили шорцев к северным алтайцам. (Приложение 1).

2.1 Хозяйство и основные занятия

А. В. Головнев в одной из своих работ представил типологию хозяйственных комплексов Сибири, судя по которой селькупы относятся к приречно-таежному промысловому типу, однако он отмечает, что для части южных селькупов также характерен глубинно-таежный промысловый хозяйственный комплекс¹⁴⁰.

2.1.1 Рыболовство

Селькупы. Для нарымских селькупов главным промысловым занятием являлось рыболовство. «Промысловое значение в хозяйстве селькупов имели только язь, чебак, елец, карась, окунь, щука и налим; иногда в бассейне р. Тым добывали осетра, стерлядь и нельму»¹⁴¹.

Опираясь на сведения, изложенные Г. И. Пелих, представим разные виды рыболовных снастей, без подробного описания каждого, так как считаем невозможным раскрыть вопрос в полной мере в рамках данной работы. *Котец* – ловушка, изготовленная из сосновых юнг (тонкие длинные плашки шириной не более 1,5 см), переплетенных с черемуховой саргой; использовался рыбаками в любое время года и в любых водоемах. *Деревянный невод (мазанг)* изготавливался тем же способом, что и котец, однако вместо черемуховой сарги здесь применялся кедровый корень. Сети подразделялись в зависимости от способа рыбалки на следующие виды: плавежные, неводные и ставные. Величина ячеек зависит от того, для ловли какой рыбы она предназначалась. Среди заборных снастей выделялись *атарма*, перегораживающая всю реку и снабженная сетевым мешком, *квэж* – забор из кольев с ловушками: *мордой (кар)* и *фитилем (могай)*. Морду иногда использовали как самостоятельную ловушку, в одном селькупском хозяйстве можно было встретить великое разнообразие морд. Фитиль подобно морде часто использовался самостоятельно, изготавливался из конопли или ивовых прутьев. *Пюрмачу* – еще один из видов запора, это зимний способ рыбалки, создавался из снега и земли. *Санак* – удочка из длинного кедрового корня с рыболовным крючком на конце и надетой на него маленькой рыбешкой в качестве наживки. В качестве вспомогательного инструмента использовали *черпак*, которым

¹⁴⁰ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 47.

¹⁴¹ Тучков А. Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв). Томск, 2016. С. 175.

удаляли лед из выдолбленных лунок на реке, а также собирали рыбу, попавшую в ловушку¹⁴².

С середины XIX в. русские рыбопромышленники заняли нишу неводного промысла на Оби. Селькупы продавали или же сдавали в аренду промысловые участки с рыбой и нанимали местное население для ловли рыбы¹⁴³. В начале зимы использовали способ глушения рыбы: по льду били палками, рыба глохла, затем ее доставали черпаком¹⁴⁴. Другим распространенным способом ловли рыбы зимой были самоловы (стяжки). Чаще всего в Нарымском крае на самоловы ловили и ловят стерлядь, осетра, и налима.

Шорцы. Шорцы активно практиковали рыболовство. По свидетельству В. В. Радлова, основным хозяйственным занятием шорцев являлось рыболовство. Женщины и дети плели *сети* и, помимо собственного использования, они еще и продавали их в Кузнецк¹⁴⁵. В Этнографическом фонде МАЭС ТГУ¹⁴⁶ хранятся шорские коллекции, привезенные А. К. Ивановым в 1920-е гг. Так, в музее есть специальная деревянная игла для плетения сетей – *инге*¹⁴⁷, представляющая собой гладкую деревянную пластину, один конец, которой заострен, а другой имеет специальную выемку в виде развилки (Приложение В, Рис. 4). Такие иглы для вязания сетей не являются уникальными для шорцев, подобные мы можем встретить и у других сибирских народов. Также в этой коллекции имеется станок для вязания сетей¹⁴⁸: он состоит из двух частей: такой же иглы для вязания сетей и мерки для размеров ячеек сети (Приложение В, Рис. 5). Мерка представляет собой прямоугольную гладкую деревянную дощечку. Такой станок не является исключительно шорским изобретением, а широко применяется многими народами, к примеру хантами¹⁴⁹, для вязания сетей (Приложение В, Рис. 6). По сведениям Л. П. Потапова, на 1900 г. на Мрассе рыболовством занимались 71,5 % шорцев, а на Кондоме – 38,7 %. «Главным видом добываемой рыбы являлись: щука, хариус, таймень, налим, язь и мелкая рыбешка»¹⁵⁰.

У шорцев присутствовал интересный способ ловли рыбы – ручной. Таким способом ловили обычно мелкую рыбешку и занимались этим женщины и дети, они проверяли руками мелкие речки и из ямок под камнями улов. Такую рыбешку также ловили *сачками*,

¹⁴² Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 18–22

¹⁴³ Головнев А. В., Тучкова Н. А. Культура селькупов. Хозяйство // Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 68.

¹⁴⁴ Там же. С. 74.

¹⁴⁵ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 200.

¹⁴⁶ Музей истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского (НИ ТГУ)

¹⁴⁷ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 5979-57.

¹⁴⁸ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 5979-53.

¹⁴⁹ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7057-46.

¹⁵⁰ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 82.

плетеными из нитей конопли. Иногда вместо сачков использовали снятую с себя рубаху или же решето. На Кондоме мелких рыбешек ловят с помощью специальной сети-ловушки, которая представляла собой мешок конической формы – «рага»¹⁵¹.

Применяли шорцы и известный с древнейших времен способ рыбной ловли с помощью лука и стрел, которые могли быть как просто деревянные, так и с широким металлическим наконечником, так добывали, в основном, мелких щук. Другим способом лова щук были *силки*, плетенные из волоса и натянутые на деревянную палку¹⁵². Другим древним инструментом для ловли рыбы была острога, который практиковали обычно ночью¹⁵³.

Крупную рыбу – тайменя, хариуса, щуку ловили *неводом* и сетями из конопляных (кендырных) ниток. Размеры ячеек сети зависят от того, какой вид и размер рыбы желает поймать шорец¹⁵⁴. Также сети плели из конского волоса, которые очень ценились из-за особой прочности¹⁵⁵. Шорцы, проживающие в низовьях Мрассу, летом и осенью вывозили хариуса, налима, тайменя и щуку на продажу в Кузнецк¹⁵⁶.

Популярным инструментом для ловли рыбы у шорцев была *морда (верша)* – пирамидообразная ловушка, плетенная из прутьев тальника. Другая, похожая ловушка – ашпар делается в виде ящика из жердей, скрепленных прутьями. Также шорцы используют запорные сооружения из ивовых (тальниковых) прутьев. Примерно по центру такого сооружения делали узкую выемку, которая служила для стока воды. Листья забивали плетенную сетку, и вода начинала выливаться сверху, тогда подставляли ашпар, в надежде, что вместе с водой будет поступать и рыба¹⁵⁷.

Со временем многие способы рыбной ловли были заимствованы у русского населения, но мы не будем сейчас на них останавливаться, так как они не могут помочь с определением наличия или же отсутствия самодийского субстрата.

Таблица 1 – Рыболовный промысел¹⁵⁸

	Нарымские селькупы	Шорцы
--	--------------------	-------

¹⁵¹ Там же. С. 86.

¹⁵² Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 87.

¹⁵³ Там же. С. 89.

¹⁵⁴ Там же. С. 87.

¹⁵⁵ Кимеев В. М. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 259.

¹⁵⁶ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово, 2018. С. 292.

¹⁵⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 88.

¹⁵⁸ Составлена автором на основании проведенного сравнительного анализа.

Рыба	Язь, чебак, елец, карась, окунь, щука, налим, осетр, стерлядь, нельма	Щука, хариус, налим, язь, мелкая рыбешка (вероятно, чебак)
Инвентарь	Лук и стрелы	
	Острога	
	Сети	
	Морда	
	Фитиль	
	Невод	
	Запор	
	Удочка	
	Черпак	
	Котец	Кыл
	Мазанг – деревянный невод	Ашпар
	Атарма	Ручная ловля
	Квэж	
	Санак	
	Самоловы (стяжки)	
	Глушение рыбы	

Судя по данным, приведенным в таблице, становится ясно, что рыболовство играло немалую роль в хозяйственной жизни шорцев, однако, видно, что для шорцев оно не имело такое большое значение, как для селькупов. Большинство рыболовных снастей у обоих народов совпадают, закономерно, что у селькупов наблюдается большее разнообразие в инвентаре. Для южных селькупов рыболовство было ведущей отраслью хозяйственной деятельности, этим и объясняется вышеупомянутый факт. Для большинства тюркских народов рыбная ловля не входила в приоритетную отрасль хозяйственных занятий, так многие тюрки, прожив всю жизнь у реки, не употребляли в пищу рыбу. Так для нарымских селькупов рыболовство имело промышленное значение, а большая часть шорцев добывало рыбу исключительно для собственного употребления. Наличие активного рыболовства у шорцев, может быть, обусловлено этногенетической памятью о самодийском прошлом. Возможно, совпадение в рыболовных снаряжениях обусловлены самодийским компонентом, присутствующим и у северных алтайцев.

2.1.2 Охота

Селькупы. Охота не была главным занятием нарымских селькупов, лишь у некоторых групп она играла ведущую роль. В большинстве случаев целью охотников было получение пушнины, а главным объектом – белка, добыча которой в среднем ежегодно составляла от 60 – до 100 тысяч штук¹⁵⁹. Сезон охоты на белку состоял из двух этапов: осенний (ноябрь – середина декабря) и зимний (середина – конец января – середина-конец марта). Охотники отправлялись в длительные рейды (до 2 тыс. км), осенью для помощи брали с собой собаку, зимой – ходили одни¹⁶⁰. Учитывая значимость промысла белки, представляется необходимым рассмотреть этот охотничий комплекс подробнее. В первую очередь, нужно отметить, что нарымские селькупы ходили на такую охоту всей семьей, женщины участвовали в добыче белок наравне с мужчинами, свидетельства этого сохраняются и в XXI в.¹⁶¹. Селькупы пользовались в основном луком и деревянными стрелами и стремились попасть исключительно в головку зверьку, чтобы не повредить шкурку.

Зимой охотники уходили в тайгу, для ходьбы по снегу они надевали легкие и скользящие лыжи, а охотничьи снаряжения, провизию и запасную одежду перевозили на нартах. В тайге у охотника обязательно был промысловый стан (прил. Б. рис.2), И. И. Дочевский приводит следующее описание: «маленькая избушка из 3 или 5 венцов, часть врытая в землю, с очагом из крупных неправильной формы камней и с узеньким окошечком, которое открывается во время топки очага»¹⁶², такая характеристика соответствует традиционному селькупскому жилищу – избушке «карамо» (прил. Б. рис. 3). Часто около такого домика находился лабаз – небольшой сруб на четырех столбах высотой примерно 1,5 метра, предназначенных для хранения провизии от зверей. Самые распространенные ловушки на белок – это «черкан»¹⁶³ (Приложение В. Рис. 7) и «плашка» с приманками в виде сушеных грибов, сосновых шишек и губчатых наростов с тальника (ивы) и березы, изредка «силки».¹⁶⁴ Не станем приводить описание ловушек в силу их изученности.

Помимо белки черкан использовался также для добычи горностая, отличие в том, что наживка на него была иная, вместо сушеных грибов и прочих растительных даров использовалось сырое или сушеное мясо. В районе рек Кеть, Васюган, Тым добычи соболя

¹⁵⁹ Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 6.

¹⁶⁰ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 59.

¹⁶¹ Полевой дневник экспедиции «Сокровища реки Тым» 2013.

¹⁶² Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 11–12.

¹⁶³ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №2129.

¹⁶⁴ Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 15.

почти не было, охота на этого пушного зверька здесь не велась, в силу его малочисленности в данной местности. При охоте на лисицу, продолжавшуюся с середины осени до весны, использовались капканы, самострелы, кляпицы. Тымские селькупы на выдру охотились с помощью самоловов.¹⁶⁵

Другим объектом охоты для нарымских селькупов были водоплавающие птицы. Здесь господство принадлежало утке. Ранняя осень – время перелетов уток с озера на озеро. Охотники, зная эту особенность, заранее выбирали два озера, проделывали между ними просеку и натягивали сеть, ожидая, когда птица попадет в нее. Другой вариант: по берегам озера втыкали деревянные шесты и между ними натягивали сеть. Запутавшуюся в сеть добычу охотник забирал, подплывая на лодке. Таким образом, хороший охотник мог за одну ночь добыть от 200 – до 300 и более уток. Одна часть добытой птицы заготавливалась на зиму, другая же шла на продажу¹⁶⁶. Стоит отметить, что южных селькупов характерно преобладание индивидуального способа охоты, однако для охоты на отдельных виды промысловых животных практиковали объединение в артели¹⁶⁷.

Итак, перечислим основной охотничий инвентарь селькупов. Это черкан, плашка, кляпец¹⁶⁸, петля¹⁶⁹, пальма, самострелы, ловчая яма, ружье, лук и стелы. Г. И. Пелих приводит три разновидности лука. Первая – это простой лук, применяемый в ловушках, он ничем не отличался от луков других сибирских народов. Вторая разновидность – это сложный лук, изготовленный из трех пород дерева: березы, сосны и черемухи. Третья – охотничий лук¹⁷⁰ (Приложение В, Рис. 8), склеенный из двух пород дерева: сосны и березы¹⁷¹.

В Нарымском крае существовало четыре крупных центра продажи добытой дичи: город Нарым, село Тымское, Парабельское, Васюганское. На конец XIX в. средний годовой заработок охотника составлял около 35 рублей в год, а вся добыча нарымских инородцев оценивалась примерно в 35000 рублей¹⁷².

Шорцы. Ведущей отраслью хозяйственной деятельности шорцев была охота. Еще Георги писал: «звериная ловля есть главное их дело, потому наипаче, что всякая дичина

¹⁶⁵ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо – Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 59–61.

¹⁶⁶ Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 7.

¹⁶⁷ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 61.

¹⁶⁸ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог. Томск, 2007. С. 40–42.

¹⁶⁹ Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт.-сост. А. А. Пихновская. Томск, 2007. С. 39.

¹⁷⁰ Фонд МАЭС, отдел этнографии, № 2120.

¹⁷¹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 18–22.

¹⁷² Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 8.

полезна им в рассуждении как шкур, которыми они и подушный свой оклад очищают, так и мяса»¹⁷³.

После прихода русского населения на территорию Горной Шории охота приобрела еще большее значение: теперь помимо собственного потребления добыча шла на уплату ясака и торговлю.

Шорцы относились к пешим охотникам, однако к началу XX в. они начали использовать лошадь в качестве средства передвижения¹⁷⁴. Для охоты шорцы часто объединялись в артели, которые состояли преимущественно из родственников. Артели бывали разного размера: от 2 до 6 человек, в них входили люди разных возрастов¹⁷⁵.

Первоначально огромное значение имела загонная охота. И. И. Дочевский отмечал, что для инородцев Кузнецкого округа (к которым, безусловно, относились шорцы) были характерны следующие оружия: малокалиберная пистонная, кремневая и фитильная винтовки, силки, капканы и другие ловушки¹⁷⁶. До появления ружья у шорцев, охота на пушного зверька велась с помощью лука и стрел. Помимо пушного зверька стрелами добывали птиц¹⁷⁷. Тетивой для лука служили конопляные бечевки либо сухожилия. Наконечники ковали из железа, вырезали из дерева или кости. Для охоты на пушного зверька применялись стрелы с деревянным или костяным наконечником оглушающего типа, белок часто добывали с помощью стрел-свистулек¹⁷⁸. Помимо стрел для охоты на пушного зверька широко использовали черкан (*шергей*), пасти (*наспак*), самострелы (*айа*), сети, петли¹⁷⁹. Кляпцы у шорцев также получили широкое распространение¹⁸⁰. Черканы¹⁸¹ (Приложение В, Рис. 9, 10, 11) были чрезвычайно популярны у сибирских народов и широко представлены в музейных коллекциях. Преимущество такой ловушки в том, что она придавливает зверька, не повреждая шкурку. Маралов и косуль добывали известным с древности способом с помощью ловчих ям. А приманивали их, используя специальный

¹⁷³ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч.2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. С. 163.

¹⁷⁴ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 24.

¹⁷⁵ Там же. С. 25.

¹⁷⁶ Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 5.

¹⁷⁷ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 278.

¹⁷⁸ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Тажные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 15.

¹⁷⁹ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 499.

¹⁸⁰ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 280.

¹⁸¹ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-13, № 5979-104, № 6154.

инструмент – манок (*сыын пыргызы*), который чаще всего делали из рога¹⁸². Также на крупного копытного зверя ставили загороди¹⁸³. Зайцев и птиц ловили петлями (*кыл*)¹⁸⁴. Интересен тот факт, что и медведя, и зайца могли ловить при помощи кулем, различались они лишь размерами: так на медведя делали из бревен, а заячью – из жердочек¹⁸⁵.

Все охотничьи снаряжения шорцы перевозили при помощи нарт. Нарты шорцы использовали ручные, которые перемещались с помощью тягловой силы человека. В экспозиции МАЭС ТГУ представлены такие нарты – *суг-шанагажи*¹⁸⁶, привезенные А. К. Ивановым из улуса Мыски. Стоит отметить, что нарты могли быть совершенно разных размеров, в зависимости от функционального назначения. Ременная плетель к нартам крепилась с помощью специального кольца¹⁸⁷ (Приложение В, Рис. 12, 13) которое чаще всего изготавливали из кости, иногда украшали орнаментом. Помимо нарт шорцы использовали волокушу, представляющую кусок конской кожи с шерстью, в этот кусок кожи заворачивался груз, завязывался и волочился на лямки по снегу сзади охотника. Если охотник не использовал ни нарт, ни волокуши, тогда он привязывал груз себе на спину¹⁸⁸. Зимой охотники передвигались по снегу при помощи широких черемуховых лыж, подпитых камусом¹⁸⁹.

Охотились кузнецкие инородцы в основном на белку и соболя, так как эти зверьки имели промысловое значение благодаря меху. По свидетельству Дочевского, охотились также на медведя, марала, северного оленя, козулю, росомаху, колонка, выдру, горностая, лису, волка, зайца и бурундука, а среди птиц наибольший интерес для охотников представляли глухарь, тетерев, рябчик, гусь и утка¹⁹⁰. На медведя охотились крайне редко и его убийство держали в строжайшей тайне¹⁹¹.

¹⁸² Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Тажные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 17

¹⁸³ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 500.

¹⁸⁴ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Тажные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 17

¹⁸⁵ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 279.

¹⁸⁶ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-125.

¹⁸⁷ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-39, № 6025-56.

¹⁸⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 26.

¹⁸⁹ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Тажные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 17.

¹⁹⁰ Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 8.

¹⁹¹ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Тажные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 16.

Дети и подростки часто добывали бурундуков, чей мех шел на отделку одежды, охотились на зверьков с помощью силков либо же просто оглушали палкой¹⁹².

Таблица 2 – Охота¹⁹³

Нарымские селькупы	Шорцы
Лук, стрелы	
Черкан	
Петли	
Кулемы	
Плашка	
Сети	
Ловчие ямы	
Ружье	
Кляпцы	
Самоловы	
Капканы	
Самострелы	
Загороди	

Несмотря на главенство рыболовного промысла у большинства этнолокальных групп южных селькупов, охота занимала важное место в их хозяйственной деятельности. Судя по приведенной выше таблице, основной охотничий инвентарь у изучаемых народов практически полностью совпадает. Необходимо отметить, что подобные инструменты для охоты характерны для всей территории Сибири, а не являются исключительно характерной чертой изучаемых народов. Это связано с тем, что объектами охоты, в большинстве своем, выступали одни и те же животные. Охоту на пушного зверька представители обоих народов вели с целью получения меха либо для изготовления одежды, либо на продажу. На копытных животных охотились для добычи мяса. Известно, что шорцы хотя и охотились на медведя, держали этот факт в секрете, у нарымских селькупов промысел медведя не имел какого-то важного значения, напротив, у селькупов р. Тым существовал запрет на добычу этого зверя. Такой запрет объясняется верой чумылькупов в общее происхождение с «хозяином тайги», так у местных селькупов существовал Род Медведя «Коркыт тамтыр», вместе с тем крупное селькупское село называлось «Коргытсок», что в переводе означает «Медвежий мыс». Таким образом, несмотря на некоторые различия, сходства преобладают. Этот факт может говорить о наличии самодийского субстрата у шорцев.

¹⁹² Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 18.

¹⁹³ Составлена на основании проведенного сравнительного анализа.

2.1.3 Собирачество

Селькупы. Собирачество играло заметную роль в хозяйственной деятельности нарымских селькупов. Этим занимались, в основном, женщины, а главное место занимал сбор ягод и кедрового ореха. Ягоды собирали чаще всего для стола, однако имеются сведения, что селькупы заготавливали некоторую ягоду на зиму: для этого они могли сушить черемуху; замораживать бруснику и клюкву. Листы ягодных кустов собирали для заваривания чая¹⁹⁴. Известно, что селькупы никогда не употребляли в пищу грибы, однако мухоморы собирали для приготовления специального отвара, позволяющего шаману войти в транс¹⁹⁵. Существуют сведения о заготовке селькупам балберы – коры тополя, которую в последствие использовали для изготовления поплавков для сетей¹⁹⁶.

Важным занятием была заготовка кедрового ореха. На шишкование отправлялись селькупы целыми семьями, дети забирались на деревья и раскачивали его, мужчины били «ботом» по стволу, в надежде сбить шишки, женщины же собирали падалицу¹⁹⁷. Осенью селькупы непременно старались заготовить бересту для изготовления всевозможных поделок, а также черемуховую саргу и кедровый корень для плетения рыболовных ловушек. Чагу («березовый гриб») собирают и заготавливают с целью изготовления из него чайного напитка¹⁹⁸.

Шорцы. Шорцы активно занимались собирачеством. Заготавливали в основном съедобные растения: корни кандыка, сарану, пионы, колбу, лук, чеснок, дягель, борщевик, разные ягоды¹⁹⁹. Из всех растений наибольшей популярностью у шорцев пользовался кандык, как наиболее питательное в голодное время, собирали корни кандыка в мае или в начале июня, занимались этим чаще всего женщины и девочки²⁰⁰. Корни пиона собирали весной, но на начало XX века употребление их в пищу упоминалось лишь в легендах: говорят, что их закапывали в землю, что помогало им лучше сохраниться, именно это помогало запасливым шорцам выжить во время голода. Иные шорцы зарывали в землю стебли растений, которые сгнивали в земле, в силу невозможности сохраниться таким

¹⁹⁴ Головнев А. В., Тучкова Н. А. Культура селькупов. Хозяйство // Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. С. 93.

¹⁹⁵ Там же. С. 94.

¹⁹⁶ Тучков А. Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв). Томск, 2016. С. 187.

¹⁹⁷ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.29–30.

¹⁹⁸ Там же. С. 31 – 32.

¹⁹⁹ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Тажные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 18.

²⁰⁰ Дыренкова Н. П., Потапов Л. П. Озуп и абыл – хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // Культура и письменность Востока. Кн. III. Баку, 1929. С. 107.

образом. Листы ягодных кустов (малины и смородины) выполняли роль чая. Помимо этого, для заваривания собирали белоголовник, гнилую древесину березы, заболонь; ставили березовый сок²⁰¹. Собирали шорцы и грибы²⁰².

Особое место в промыслах шорцев занимал сбор кедрового ореха. Шишки следующим образом: залазали на дерево и сбивали специальной колотушкой²⁰³. Другим инструментом для сбивания шишки служила большая деревянная колотушка, прикрепленная к длинному черенку²⁰⁴. К началу XX в. сбор кедрового ореха приобрел товарный характер. Обычно шишкование занимало довольно большой период времени: с августа и до первого снега; уходили на промысел целыми семьями²⁰⁵. Для дальнейшей обработки шишки существовали специальные инструменты: так на деревянном валике²⁰⁶ (Приложение В, Рис. 14) растирали шишки для получения ореха, а затем обшелушенный орех просеивали в специальном сите²⁰⁷ (Приложение В, Рис. 15) для того, чтобы окончательно очистить его от сора.

Не для приема в пищу, а для хозяйственных нужд собирали шорцы бересту, черемуховую кору (саргу)²⁰⁸.

Таблица 3 – Собирательство²⁰⁹

Нарымские селькупы	Шорцы
Смородина, земляника, клюква, черемуха, малина, клубника	
Кедровый орех	
Листья ягодных кустов	
Черемша, дикий лук, чеснок, сарана	
Черемуховая сарга, береста	
Чага	Мед диких пчел
Мухоморы	Кандык
Кедровый корень	Корни пиона

²⁰¹ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 80.

²⁰² Кимеев В. М. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 260.

²⁰³ Кимеев В. М. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 261.

²⁰⁴ Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 91.

²⁰⁵ Кимеев В. М. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 261.

²⁰⁶ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-47.

²⁰⁷ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-48.

²⁰⁸ Кимеев В. М. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 260.

²⁰⁹ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа

В настоящей таблице представлены основные объекты собирательства у данных народов. Известно, что селькупы не употребляли в пищу грибы, у шорцев собирательство грибов известно, но в более позднее время. Различия возможно логично обосновать, так, к примеру, корней пиона нельзя найти в объектах собирательства селькупов, так как в условиях Нарымского края таких растений неизвестно. Чага, которая входит в перечень собирательства селькупов, у шорцев также была, но как объект целенаправленного собирательства стала известна только в 1970-х гг.²¹⁰. Сходных элементов выявлено довольно много, однако, по нашему мнению, это не может служить показателем наличия общего субстрата, а скорее всего является следствием схожих природно-географических условий.

2.2 Национальная кухня, одежда и жилище

2.2.1 Жилище

Селькупы. До конца XIX в. селькупы вели полукочевой образ жизни, что объясняется высокой значимостью промыслов в их жизни. У селькупов существовали поселения двух типов: зимние и летние, такие типы поселений носили как временный, сезонный, так и постоянный характер²¹¹. Н. А. Тучкова выделяет следующие типы жилищ: каркасную коническую постройку (чум, получум), каркасную наземную постройку типа «скат-кровля», каркасную конструкцию в виде полуцилиндрического свода (крытую лодку), каркасную усеченно-пирамидальную постройку, каркасно-самонесущую пирамидальную постройку, каркасно-самонесущую призматическую постройку, углубленную в землю (карамо), постройку с самонесущими стенами (избу-сруб)²¹². Представим краткую характеристику каждого типа жилища.

Каркасная коническая постройка (чум, получум). По сведениям Е. Д. Прокофьевой, у нарымских селькупов чум присутствовал только в качестве летнего жилища, но очень редко²¹³. Существуют свидетельства С. М. Чугунова о бытовании такого жилища у кетских селькупов²¹⁴.

²¹⁰ Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 91.

²¹¹ Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. С. 72.

²¹² Там же. С. 81.

²¹³ Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. М., 1956. С. 675.

²¹⁴ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 123.

Каркасная наземная постройка типа «скат-кровля». Такое жилище было, безусловно, временным и называлось «балаган»²¹⁵. Для его сооружения устанавливали каркас из двух вильчатых кольев и уложенной на развилки поперечной жерди, к каркасу приставлялись ветки, образуя скат на одну сторону. Скат накрывали лапником, травой либо берестой²¹⁶.

Каркасная конструкция в виде полуцилиндрического свода (крытая лодка). Упоминание такого типа жилища встречается в работе Е. Н. Орловой, которая наблюдала данное явление у селькупов р. Тым. По ее словам, тымские селькупы почти все летнее время жили в такой лодке, это связано, в первую очередь, с преобладанием рыбного промысла в хозяйственной деятельности. Кроме того, на таком доме-лодке селькупы отправлялись и на сенокос, и за орехами-ягодами²¹⁷.

Каркасная усеченно-пирамидальная постройки у южных селькупов носила названия «тяй-мат» и «леви-мат», известно о бытовании подобных жилищ на Оби, Кети, Тыму²¹⁸. Г. И. Пелих дает следующее описание «тяй мату». «В плане это прямоугольное (почти квадратное) помещение (3,2 м на 3,2 м), углубленное в землю на 0,5 м. В центральной части ямы на расстоянии 2,5 м друг от друга стоят четыре столба с чашеобразными углублениями на верхних концах. В эти углубления клали параллельно друг другу два бревна, на которые делались такие же углубления и накладывались две следующие балки. Так получалась квадратная рама. Со всех сторон к раме приставлялись наклонные плахи и горбыли. Их верхние концы опирались на раму, а нижние – упирались в основание земляных стен. Сверху рама была покрыта жердями, завалена землей и сухой травой. С внешней стороны стены засыпали широким валом земли высотой около метра. Дверь сбита из двух широких плах с двумя поперечными накладками, укрепленных на железных шарнирах. В стене, расположенной справа от входа, сделано маленькое окно. Очага нет. Вход прикрывали шкурой»²¹⁹. «Леви-мат» создавался подобным образом, только из более легких материалов. Дверь в таком жилище была изготовлена из бересты, сшитой жилами. Земляной пол был застелен хвойными ветками²²⁰.

Каркасно-самонесущая пирамидальная постройка была представлена следующей конструкцией: четырехугольный тесовый балаган со срезанным верхом, стоящим на

²¹⁵ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 126.

²¹⁶ Там же. С. 125.

²¹⁷ Орлова Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно – промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. С. 44.

²¹⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 51.

²¹⁹ Там же. С. 52 – 53.

²²⁰ Там же. С. 53.

четырёхугольном фундаменте из толстых бревен. Пол земляной²²¹. К углам сруба из 2-4 звеньев крепились длинные стропила, соединенные наверху четырехсторонней рамой, образующей пирамидообразную крышу²²².

Главным зимним промысловым жилищем селькупов была полуземлянка «карамо». Данное сооружение относится к каркасно-самонесущим призматическим постройкам. Существовало несколько вариантов строения такого жилища. «Карамо могли делать совсем без сруба, с надставкой из бревен только с торцовых сторон ямы (2-3 бревна, скрепленных деревянными шпёнками), с наземным срубом от 1 до 5 звеньев, сруб «спущен в яму» (кет.)»²²³. Если карамо планировали как не только промысловое, но и стационарное жилище, стены укрепляли тонкими бревнами. Очаг мог находиться в любой части дома. Окно располагалось в крыше (рассматривалось как дополнительный выход), в венце сруба напротив входа. Нары состояли из плах, размещались у двух продольных стен. Вход/выход – земляной коридор из ямы наружу²²⁴. Крыша чаще всего двухскатная. Некоторые промысловые карамо представляли собой двухкамерное жилище. Первое помещение похоже скорее на холодную крытую веранду без дверей. Второе помещение являлось жилым помещением²²⁵.

Постройка с самонесущими стенами (изба-сруб), в научной литературе известна как «юрта». Такая постройка по-селькупски называлась «кай маат» - зимний дом. Относительно русской избы такая юрта имела меньшие размеры. Строение состояло примерно из 8 венцов, 3 из которых находились в земле, а 5 возвышались на ней), потолка не было, крыши, чаще всего, были двухскатными, но встречались и односкатные, вход имел 2-3 ступени. С середины XIX в. такие жилища были заменены русскими избами²²⁶.

Шорцы. В XIX – первой трети XX вв. шорцы жили оседло, а если их переселения носили временный характер, то чаще всего в связи с необходимостью вести промысловую деятельность. Жилища шорцев условно можно разделить на летние и зимние, постоянные и временные (промысловые).

В качестве летних жилищ у шорцев-абинцев были распространены жердчатые юрты, покрытые корой и камышом. Основным зимним и летним жилищем шорцев-бирюсинцев

²²¹ Орлова Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно – промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. С. 14.

²²² Тучкова Н. А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.131.

²²³ Там же. С.131.

²²⁴ Там же. С. 132 – 133.

²²⁵ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 48.

²²⁶ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 135.

была жердчатая юрта, покрытая берестой и по конструкции похожей на конический шалаш северных алтайцев²²⁷.

Существовало у шорцев и несколько видов «одагов» – шалашей. В более позднее время его использовали в качестве временного жилища на промысловых участках и пашнях²²⁸. Если говорить о промысловом шалаше, то он известен в литературе под названием «балаган».

Самым древним считается прямоугольный в плане каркасный летний шалаш «одаг» в виде усеченной пирамиды с вариативным остовом. В одной стене шалаша было входное отверстие, которое задвигалось досками либо навешанной на ремни дощатой дверью.²²⁹ В южной Шории такое жилище утепляли двойным слоем бересты, забрасывали землей и бедные шорцы их использовали в качестве зимнего жилища²³⁰.

Другой вид «одага» представлял собой зимний охотничий шалаш, который был построен следующим образом: задняя поперечная жердь остова примыкала к раскидистой пихте, стены образовывали стволы молодых деревьев, которые опирались на нижние ветви пихты и образовывали крышу, такие стены обкладывали пихтовыми ветками и забрасывали снегом²³¹.

Третий вид «одага» использовался как временное промысловое жилище. Такой шалаш отличался плоской крышей, которая была сделана из плоских досок, уложенных на горизонтальных жердях остова и концах наклонно приставленных досок. Крышу делали из бересты²³².

У шорцев были известны юрты двух типов: бревенчатые с четырехскатной крышей и сплетенные из прутьев с плоской крышей. Самым распространенным жилищем у шорцев в изучаемый период получила срубная бревенчатая юрта, по конструкции и планировки юрты имели существенное различие.

В верховьях Кондомы было известно жилище «чайлыг» («яйлыг»). Такое жилище представляло собой прямоугольный сруб из пихты или кедра с двухскатной крышей с продольными жердевыми слегами, которые застилались колотыми досками, накрытыми

²²⁷ Кимеев В. М., Придчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 17.

²²⁸ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 508.

²²⁹ Кимеев В. М., Придчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 18.

²³⁰ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 508.

²³¹ Кимеев В. М., Придчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 19.

²³² Там же. С. 19.

берестой и засыпанными землей. Щели между венцами конопатили мхом. Вход прорубался в одной стене и закрывалась дощатой дверью, навешанной на ремни²³³.

Бытовали и пятистенные юрты с предъюртием (прихожей). Чаще к юрте пристраивался навес: колотые доски приставляли наклонно к крыше²³⁴.

Н. М. Ядринцев отмечал следующую особенность: у шорцев бытовало земельное сооружение, по своей конструкции, напоминающее селькупское «карамо»²³⁵. Кимеев же отмечает сходство шорской полуземлянки с телеутским жилищем – «*оргонуй*». Юрта-полуземлянка почти наполовину находилась в земле. Стены такой юрты были плетенные, обмазанные глиной и пространство между рядами двойного плетения было засыпано землей. Крыша юрты была конусообразная, отверстия для дымохода находилось в центре крыши²³⁶.

Основными зимними жилищами у шорцев были срубные избы, вероятно, способ конструирования был заимствован у русского населения. Часто такие жилища строили приглашенные русские мастера, что послужило причиной утраты этнического жилища²³⁷. Северные шорцы, а также более зажиточные таежные шорцы имели русские избы. Некоторые наиболее состоятельные строили двухэтажные дома²³⁸.

Таблица 4 – Жилища²³⁹

Нарымские селькупы	Шорцы
Каркасная коническая постройка (чум, получум, одаг).	
Каркасная наземная постройка типа «скат-кровля» (балаган)	
Каркасно-самонесущая призматическая постройка, углубленную в землю (карамо/землянка),	
Постройка с самонесущими стенами (изба-сруб)	
Каркасная конструкция в виде полуцилиндрического свода (крытая лодка)	Промысловый шалаш
Каркасная усеченно–пирамидальная постройка	

²³³ Кимеев В. М., Придчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 20.

²³⁴ Там же. С. 20–21.

²³⁵ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. Санкт-Петербург: Издание И. М. Сибирякова, 1891. С. 115.

²³⁶ Кимеев В. М., Придчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 16–17.

²³⁷ Там же. С. 21.

²³⁸ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 108.

²³⁹ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа.

Жилище является одним из важнейших критериев в определении хозяйственно-культурного типа. Однако, именно в сравнении жилищ определение этнического субстрата представляет наибольшую сложность, так как здесь в большей мере просматривается влияние природно-географических условий. Однако, сходства все же существуют. Не станем останавливаться на комментировании сходств в таких постройках, как чум, получум, изба-сруб, т.к. они характерны для многих народов, проживающих не только в изучаемой местности, но и далеко за ее пределами. Интересно, что ни в источниках, ни в литературе в описании жилища шорцев не было встречено характерное для Сибири название «чум», сооружение такого типа у шорцев называется «одаг» или шалаш. Но остановимся на других, наиболее интересных для нас явлениях.

Во-первых, это временное промысловое жилище – «балаган». Он наблюдается как у шорцев, так и селькупов. Судя по приведённым выше описаниям, такое сооружение не могла в полной мере защитить от суровых погодных условий. Особенно странным представляется использование таких построек нарымскими селькупам в качестве промыслового жилища зимой. Известно, что в Нарымском крае зимы отличаются своей крайней суровостью, поэтому в случае сильных порывов ветра данная постройка не смогла бы служить защитой от него.

Во-вторых, это полуземлянки. Они характерны для обоих этносов. Селькупы часто использовали их как промысловые постройки, назначение таких построек у шорцев не совсем ясно, так как в качестве промысловых жилищ у них выступал преимущественно одаг (балаган), а в роли постоянного выступала пятистенная юрта или же срубная юрта (чайлыг). Строение полуземлянок практически идентичное, интересно, что селькупы делали окно на крыше в качестве дополнительного выхода на случай весенних паводков, мы не встречали объяснений иных функциональных значений такого окна, помимо источника света. В научной литературе бытует мнение, что такая конструкция явилась следствием модернизации ям-скрадков, покрытых ветками. Мы не беремся утверждать, что такое жилье является следствием присутствия самодийского субстрата у шорцев, однако нами не было встречено описание подобного жилища у тюркских народов (помимо соседствующих телеутов), и мы склоняемся к мнению, что подобное может быть характерной особенностью именно самодийцев, а значит может подтвердить самодийское происхождение шорцев.

2.2.2 Кухня

Селькупы. С середины XIX в. в рацион селькупов вошли покупные продукты, а в XX в. – продукты скотоводства и земледелия, однако в рамках данной работы интересно

установить особенности национальной культуры, поэтому не станем акцентировать внимание на этих продуктах.

Уже было отмечено, что главным занятием нарымских селькупов являлось рыболовство, поэтому логично, что рыбные блюда преобладали в национальной кухне. До 1930-х гг. селькупы не знали некоторых технологий заготовки рыбы (соления, копчения), поэтому употребляли в пищу вареную рыбу, рыбный суп, чапсу – обжаривали рыбу на палочке-вертеле на костре, чтобы заготовить впрок – вялили и сушили, перемалывали на рыбную муку (порсу), которую потом добавляли в бульон или же ели как закуску к чаю²⁴⁰. Рыбу ели «чушем», стерлядь летом ели «живой», то есть пойманную только что пойманную рыбу распарывали, подсаливали и ели в таком виде. Из рыбы делали фарш из филе и начиняли фаршировали им шкуру щуки. Внутренности некоторых рыб добавляли в уху, так, к примеру, печень (максу) налима растирали и добавляли в уху, так же добавляли молоки, рыбный пузырь, иногда икру²⁴¹. Из разных видов рыб пекли пироги, однако обязательным условием было отсутствие других ингредиентов, позже в рыбные пироги стали класть картофель, изначально этого не было²⁴².

Из злаковых растений предпочтение отдавали ячменю, из него варили каши и пекли лепешки²⁴³.

Продукты охоты занимали свое место в рационе питания, в основном это было мясо лося, иногда – зайчатина, мясо белок варили или обжаривали на костре. Боровую дичь вялили для долгой сохранности или же варили для потребления.

Черемша (колба), дикий лук, корни сараны употреблялись в качестве приправы к мясу²⁴⁴. Также некоторые селькупы собирали и сушили дикий хрен, использовали его в качестве приправы к мясу и рыбе²⁴⁵.

Известно, что в качестве чая нарымские селькупы использовали смесь из толчённой чаги, сушеных смородиновых и малиновых листьев и сушеной малины. Иногда в заварку добавляли иван-чай дикий тми, мяту, сушеные ягоды черемухи. Помимо отвара из чаги пили также отвар из шиповника.

²⁴⁰ Тучков А. Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 198.

²⁴¹ Сайнакова Н. В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. С. 169–171.

²⁴² Там же. С. 174.

²⁴³ Кудряшева Т. К., Ким А. А. О традиционной пище нарымских селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 188.

²⁴⁴ Тучков А. Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X – XX вв.). Томск, 2016. С. 198.

²⁴⁵ Сайнакова Н. В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. С. 176.

На употребление в пищу мяса некоторых животных накладывалось табу, чаще всего запрет не распространялся на всех селькупов, а лишь на отдельные этнолокальные группы. Так, к примеру, тымские чумылькупы не могли употреблять в пищу мясо медведя, вследствие чего численность медведя к 1930-м гг. превысила допустимые нормы, и охотники были вынуждены отстреливать зверя²⁴⁶. Мясо волка, лисицы и соболя также было табуировано²⁴⁷. Парабельские селькупы не употребляли в пищу мясо зайца, иванкинские – мясо лося и утиные яйца (только женщины), на р. Кёнге существовал пищевой запрет на мясо куропатки и лебедей, на р. Оби нельзя было есть диких гусей. Некоторые селькупы отказывались употреблять в пищу мясо курицы, свинины и конины, селькупы, проживавшие по соседству с татарами, отказывались есть конскую колбасу, изготавливаемую теми, из-за названия «кызы» (у селькупов «кызы» - злой дух, черт)²⁴⁸. В большинстве своем, такие пищевые запреты были связаны, в первую очередь, с верой селькупов в тотемных животных. Так, к примеру, выше уже говорилось, что тымские селькупы не употребляли в пищу мясо медведя, на р. Тым существовал большой селькупский род «Коркыт тамдыр» – род Медведя, что объясняет запрет, т.к. этот зверь был для них священным. Другая причина – селькупы считали, что медведь их «старший брат», а значит, убить и съесть медведя для них означало то же, что убийство и поедание человеческого мяса.

Шорцы. Мрасские шорцы летом своей любимой едой признавали корни кандыка, лилии и колбу, которую они называли «медвежий чеснок»²⁴⁹. Корни кандыка шорцы ели вареными в воде или молоке²⁵⁰. Колбу употребляли в пищу сырой или добавляли в похлебку в качестве приправы, иногда засаливали на зиму²⁵¹. Шорцы, живущие на р. Кондоме, помимо этого, употребляли в пищу еще и корни пиона, и стебли борщевика²⁵². Из зерновых растений наиболее популярным был ячмень. Его использовали в пищу и в виде толченной крупы, и в виде талкана – поджаренным и растертым, как в сухом виде, так и разбавленным холодной водой, молоком или медом, также ячмень нередко варили в воде

²⁴⁶ Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов // Труды Института этнографии. Москва; Ленинград, 1952. Т.23. С. 97–98.

²⁴⁷ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 132.

²⁴⁸ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Пища и домашняя утварь // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 123.

²⁴⁹ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 201.

²⁵⁰ Там же. С. 206.

²⁵¹ Дыренкова Н. П., Потапов Л. П. Озуп и абыл – хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // Культура и письменность Востока. Кн. III. Баку, 1929. С. 109.

²⁵² Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 207.

или в молоке²⁵³. Из талкана готовили густую кашу – саламат²⁵⁴. Шорцы готовили лепешки из пшеничной муки, смешанной с водой; выпекали такие лепешки в горячей золе у очага²⁵⁵.

Крупы шорцы добавляли в суп с мясом – урге. Из нее также варили похлебку с добавлением рыбы, мяса, кандыка²⁵⁶. Конину стали употреблять в пищу с развитием торговли, для сохранности летом ее вялили. Н. П. Дыренкова отмечала следующий способ приготовления: «белку варили вместе с внутренностями в казане, или жарили, воткнув палку, на углях очага»²⁵⁷. Мясо отваривали, обжаривали на костре. Но мясо не являлось основным блюдом шорцев, им питались, в основном, по праздникам или же на промыслах²⁵⁸.

И. Г. Георги писал, что у шорцев не существует большого разнообразия в пище, так, к примеру, о шорцах, проживающих в верховьях Томи от него нам известно следующее: «питаются по большей части от звериного промысла, и дикими растениями»²⁵⁹. Шорцы же, которые у Георги отмечены как абинцы, питались, по его словам, «хищными зверями» и «падальщиной»²⁶⁰.

Любили шорцы и рыбную пищу. Так мелкую рыбешку высушивали на солнце, перемалывали в муку и использовали в качестве приправы к похлебке, представляющей собой вареные в воде шарики из теста (пшеничная и рыбная мука)²⁶¹. Иногда такие шарики варили в молоке, называлось такое блюдо тутпаш²⁶². Известна была и похлебка из размешанной в воде поджаренной ячменной мукой с рыбой²⁶³.

В качестве напитков шорцы готовили подобие чая из цветов растений и побегов шиповника. Также шорцы любили употреблять алкогольные напитки: *абыртку* готовили из варенных, перебродивших корней кандыка, *аракы* готовили из ячменной муки²⁶⁴.

²⁵³ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 207.

²⁵⁴ Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 60.

²⁵⁵ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 207.

²⁵⁶ Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 60.

²⁵⁷ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 108.

²⁵⁸ Там же. С. 61.

²⁵⁹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. . 164.

²⁶⁰ Там же. С. 162.

²⁶¹ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 86.

²⁶² Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 60.

²⁶³ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 202.

²⁶⁴ Там же. С. 207.

Ни в источниках, ни в литературе нами не была замечена информация о пищевых запретах шорцев. Единственное, что удалось установить, это то, что шорцы не употребляли в пищу мясо выдры, рыси и крота²⁶⁵.

Таблица 5 – Пища нарымских селькупов и шорцев²⁶⁶

Нарымские селькупы	Шорцы
Рыба	
Вяленная рыба, сушенная рыба	
Рыбный суп с крупой	
Рыбная мука	
Пироги с рыбой	Похлебка с шариками из рыбной муки
Печенная рыба	
Чапса	
Рыбий жир	
«Чушь»	
«Живая» стерлядь	
Уха «без рыбы»	
Мясо	
Мясо лося	Вяленое мясо
Мясо зайца	Мясной бульон
Мясо боровой дичи	Тутпаш (вареное мясо)
	Мясо зверей (кроме выдры, рыси, крота)
	Конина
Растительная пища	
Дикий чеснок, лук	
Черемша	
Черемуха, ягоды	
Лепешки из ячменя	
Корни сараны	Клубни сараны, Кандык
Злаковые (ячмень)	Злаковые (пшеница, ячмень)

²⁶⁵ Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. С. 61.

²⁶⁶ Составлена на основе проведенного сравнительного анализа.

	Корни лилии
	Толокно (талкан)
	Стебли борщевика
Напитки	
Чага со смородиновым и малиновым листом	Чай: листья малины, смородины; цветы, белоголовник, побеги шиповника
Отвар из шиповника	Абыртка, арака
Брага	Чай с добавлением талкана

Из приведенной выше таблицы следует, что у селькупов и шорцев в пище наблюдаются и сходные, и различные черты. У селькупов, по сравнению с шорцами, большее разнообразие в рыбном рационе. Это объясняется тем, на шорцев на момент XIX – первой трети XX вв. большое влияние оказала тюркская культура, в основе которой лежат скотоводство, а не рыболовство. Однако, тем не менее, общие рыбные блюда все же существуют, и если рыбный суп, вяленая и сушеная рыба не вызывают вопросов, потому как характерны для многих других народов, то наличие такого продукта как рыбная мука уже интересно. Известно, что рыбная мука «порса» была характерной особенностью традиционной кухни селькупов, однако при изучении пищи шорцев были встречены упоминания о бытовании у них такого же продукта. Таким образом, общие рыбные блюда у селькупов и шорцев существовали, однако именно наличие «рыбной муки», на наш взгляд, может служить свидетельством общего прошлого у этих народов.

Мясная и молочная пища не может служить индикатором для определения этногенетических связей у изучаемых народов. Охота, и тем более скотоводство, не были ведущими отраслями занятий селькупов, вследствие чего мясной рацион у них был скуден. В сравнении с ними у шорцев существовало чуть большее разнообразие мясных блюд, логично предположить, что на этом сказалось тюркское влияние.

Пища растительного происхождения у обоих народов представлена сходными продуктами. Так особое место в традиционной кухне занимала черемша (колба), известно, что и нарымские селькупы, и шорцы ели ее и в сыром виде, и пекли пироги с ней, заготавливали на зиму, использовали в качестве приправы. То же можно сказать относительно дикого лука и чеснока. Сохранились сведения, что злаковые употреблялись в обеих культурах, у селькупов и шорцев, на первом месте был ячмень. Одни и те же ягоды употребляли в пищу представители этих этносов, как и травяной чай готовился из листьев этих ягодных кустов. Из спиртных напитков у селькупов была известна брага, у шорцев существовал напиток – абыртка, который изготавливали тем же способом, что и селькупы брагу, отличие в том, что шорцы для этого использовали забродившие корни кандыка.

Продукты молочной кухни, животноводства не были рассмотрены в рамках данной работы, так как целью работы является выявление сходных элементов для решения вопроса этногенеза, а указанные выше элементы были распространены у самодийских народов значительно позже их предположительного ухода с Саяно-Алтая.

Важно отметить, что несмотря на то, что у шорцев явно прослеживается тюркское влияние, у них совершенно не наблюдается широкого разнообразия в мясной пище, что характерно для тюркских народов. По наблюдениям исследователей шорской культуры вплоть с XIX в., пища шорцев не отличалась особым разнообразием. Сегодня же существует проблема: в источниках и литературе крайне мало сведений о кухне шорцев, так нам не удалось найти информацию о пищевых запретах шорцев, хотя это очень важная часть пищевой культуры любого народа.

2.2.3 Одежда

Селькупы. Для продолжения выявления самодийского субстрата рассмотрим особенности национальной одежды.

Начнем с верхней одежды. Верхняя одежда у нарымских селькупов была распашная. «Верхнее платье состоит из короткой, шерстью наружу, оленьей шубы, распаивающейся спереди; у мужчин она ровная, а у женщин с несколькими складками назад»²⁶⁷. Итак, вся одежда у селькупов называлась «порга». Это же название носила и верхняя одежда, описанная Кастреном. Г. И. Пелих, описывая зимнюю верхнюю одежду, дала ей название «конепорга» и приводит следующее описание «старинные зимние шубы покрывались сверху крапивной тканью, а позже покупной материей. меховой подклад собирался из беличьих, собольих и заячьих лапок или из утиных головок. Кусочки меха сначала нашивали на кожаные ремни или полосы грубой прочной ткани. Потом все сшивали вместе.»²⁶⁸. У чумылькупов р. Тыма и р. Чижапке основой сборного меха являлись беличьи лапки, шкурки с утиных голов были в ходу на Чижапке, на Парабели чаще всего использовали соболиные лапки. Иногда вся меховая часть порги собиралась исключительно из лапок соболя или белки, однако чаще всего это было комбинирование лапок соболя, белки, рыси, с дополнением из разрезанной на полосы шкурки горностая. Шуба имела запах правой полы на левую и застегивалась с помощью петелек и палочки, которая в эту петельку продевалась. Горловина была глухая, на Чижапке обшивалась

²⁶⁷ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 131.

²⁶⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.41.

шкурками с утиных голов, на Тыму – из беличьих хвостов и шкурок с хвостом горностая, там же встречались отложные меховые воротники. Подол шубы украшался меховой отделкой, часто отделка была из горностая с хвостом. Мужские шубы были длиной чуть ниже колен, женские – по щиколотку. В качестве промысловой одежды селькупы использовали парку («кырняжку»), ее особенность заключается в следующем: шуба всегда была цельнокроеная, мехом наружу, на животе полы расходились, полы соединялись на завязки, задняя часть была длиннее передней, длина всей парки была примерно до колен. Длинные шубы из сборного меха представляли особую ценность, так в XIX – начале XX вв. такая шуба служила обязательным элементом калыма, который выплачивал жених семье невесты, сборный мех, в данном случае, демонстрировал богатство промысловых угодий и охотничье мастерство жениха²⁶⁹.

Н. А. Тучкова отмечает, что есть свидетельства о существовании коротких меховых курток у нарымских селькупов. Такие своеобразные меховые жилеты бытовали у селькупов, проживающих в бассейне рек Тым и Парабель. Известно, что такая одежда изготавливалась как мехом во внутрь, так и наружу, если предполагалось носить мехом наружу, то шили так, чтобы все хвосты и лапки свободно свисали²⁷⁰. По мнению Кастрена, селькупы, из-за сокращения популяции оленя, перешли с одежды из оленьей шкуры на русские кафтаны из толстого сукна, покрой которых в точности повторял традиционную шубу, назывался такой кафтан «зипуном»²⁷¹. В начале XX в. у нарымских селькупов появились длинные овчинные тулупы мехом внутрь и длинные собачьи дохи мехом наружу²⁷². Разновидностью верхней плечевой одежды нарымских селькупов был легкий суконный халат «кваймы». Такая одежда имела боковые швы, сходящиеся полы, но застежки отсутствовали. Есть сведения, что кваймы шили из крапивной ткани, позже из плотного сукна. Длина кваймы чаще всего была ниже колена²⁷³.

Нательная одежда нарымских селькупов была представлена ткаными рубашками. По свидетельству А. Ф. Плотникова на начало XX в. селькупские мужчины имели по несколько ситцевых рубаш и могли надевать на себя сразу по две – три рубашки, это служило показателем достатка. Женщины не носили ни юбок, ни рубаш, единственная нательная одежда – это ситцевое платье, которое надевали на голое тело²⁷⁴. Однако в первой четверти ситцевые платья оказались вытеснены юбкой и кофтой, возникшими под влиянием

²⁶⁹ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С.172–174.

²⁷⁰ Там же. 175.

²⁷¹ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С.131.

²⁷² Там же. С. 175.

²⁷³ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 41.

²⁷⁴ Плотников А. Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С. 73.

русской моды. В первой четверти XX в. мужская рубаша у селькупов была до середины груди с широким, отложным воротником, ластовица, разрез на груди, обшлага рукавов и воротник иногда делались из материи цвета отличного от цвета рубахи²⁷⁵.

Сложно переоценить значимость рыбного промысла. Нарымские селькупы изготавливали брюки («пюме») из кожи налима, а рукавицы («ноп») – из стерляжьей кожи, снятой мешком. При изготовлении брюк рыбною кожу сначала высушивали в растянутом состоянии, затем промазывали жиром и мяли руками. Со стерляжьей кожи при шитье рукавиц («ном») не снимали жесткую чешую, костяная чешуя добавляла крепости рукавицам²⁷⁶. Известны также такие разновидности рукавиц, как исподки (вязанные из овечьей шерсти на одной игле) и верхонки (сшитые из оленьего камуса, собачьих шкур, брезента)²⁷⁷. В конце XIX – начале XX в. штаны шились из телячьих шкур. Селькупские женщины в повседневной жизни штаны не носили, надевали их лишь отправляясь на промысел²⁷⁸. Также известно, что в конце XIX в. стали шить штаны из сатиновой ткани, назывались такие штаны – «шкеры» были широкими и завязывались на шнурки²⁷⁹.

Кастрен, путешествуя по Сибири, нашел свидетельства бытования у нарымских селькупов обуви, которая изготавливалась из оленьей шкуры, длинные голенища шились частью из мягкой кожи оленя, часть из толстого сукна²⁸⁰. Такая обувь напоминала, скорее, чулок. Селькупские женщины надевали в обувь чулок до бедра для сохранения тепла, чулки вязали из шерстяной нитки на одной игле, пятку отдельно не вывязывали, таким образом чулок был в форме мешка, мужские носки вязались таким же способом, единственное отличие в том, что последние были короткие²⁸¹. Самая распространенная обувь у нарымских селькупов называлась «чирки» и состояла из трех частей: подошвы, головки и голенища. Головка чирка шилась чаще всего из кожи, подошва кроилась отдельно. У щиколотки пришивалась полоска кожи, иногда изготовленная из заячьего меха, через эту полоску протягивался шнурок, который при стягивании плотно обхватывал ногу. Женщины и мужчины носили такие чирки, однако если мужчина собирался отправиться в дальний путь, то к чиркам пришивались голенища. Голенища могли изготавливать из шкуры осетра, лосиных камусов или сукна. Высота чирков доходила до колена, там они повязывались

²⁷⁵ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 180.

²⁷⁶ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 41.

²⁷⁷ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 187.

²⁷⁸ Там же. С. 181.

²⁷⁹ Бодрова А. Ш. Традиционный костюм южных (нарымских) селькупов в XIX-XX вв // В мире научных открытий, 2008. С. 1592.

²⁸⁰ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 131.

²⁸¹ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 184.

ремешком. Зимой чирок утеплялся озерной осокой, позднее стали надевать на ногу портянку²⁸².

Головной убор у мужчин был высокий и остроконечный из мягкого оленьего меха, у женщин – плоский и закругленный из меха белки или горностая²⁸³. Селькупская шапка имела название «капор», южные селькупы подкладку делали из сборного меха, а верх обшивали тканью²⁸⁴. Описанная Кастреном остроконечная шапка имела свою форму за счет того, что была скроена из широких клиньев, которые собирались вертикально к макушке. Часто такая шапка могла быть оторочена мехом выдры, оленя, белки, шкурой гагары, лебеда или лисьими лапками²⁸⁵.

Особое место в культуре любого сибирского народа занимал пояс, каждый человек старался сделать свой пояс особенным, украшал его разнообразными способами. Традиционно пояса делились на мужские и женские. Селькупские мужчины в повседневной жизни редко носили пояс, однако отправляясь в тайгу на промысел непременно подпоясывали верхнюю одежду. К поясу подвешивали нож в деревянных ножнах и сумку, где находились кремь, огниво и трут, позднее спички и табак. На Тыму бытовали широкие пояса, обшитые сукном, имеющие по три завязки с каждого конца, иногда встречались пояса, украшенные бисером, нашивками из ткани и пуговицами. На Парабели пояса были мягкие и тонкие кожаные, иногда подпоясывались скрученным в жгут лоскутом ткани. Женский пояс представлял собой плетенные шерстяные нитки, подобно мужчинам, в повседневной жизни женщины не носили пояс²⁸⁶.

Шорцы. В XIX в. большинство шорцев носили одежду, купленную у русского населения. Однако, Радлов записал в ходе своего путешествия, что мужской костюм шорцев состоял из рубахи и штанов из грубой самотканой конопляной ткани и войлочных халатов в качестве верхней одежды. Большинство женщин же одевались лишь в длинные до щиколоток рубахи²⁸⁷. Однако, судя по всему, сведения о шорском костюме разнятся: так, к примеру, шорцы, жившие на Мрассе одевались в разных улусах по-разному. Так, есть свидетельства, что женщины носили и короткие синие рубахи с разрезом на груди, а поверх них надевали длинные полотняные халаты, которые почти точь-в-точь повторяли мужские²⁸⁸. Интерес представляет следующий факт: мужчины и женщины часто носили

²⁸² Там же. С. 181.

²⁸³ Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849). Тюмень, 1999. С. 132.

²⁸⁴ Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 164.

²⁸⁵ Там же. С. 164–165.

²⁸⁶ Тучкова Н. А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры. Томск, 2013. С. 187–188.

²⁸⁷ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 202.

²⁸⁸ Там же. С. 203.

одну и ту же одежду, какой-либо яркой дифференциации, по мнению Радлова, не существовало²⁸⁹. Единственным значимым отличием между мужским и женским костюмом было украшение²⁹⁰. Однако шорские халаты, привезенные А. К. Ивановым из экспедиций, имеют разделения на мужские и женские, вероятно, так они были преподнесены Иванову от дарителей.

Главным материалом для изготовления одежды у шорцев был кендырь²⁹¹ (Приложение В. Рис. 16). Распашной халат, который использовался в качестве верхней одежды, у шорцев назывался «*кендыр-шабыр*», вероятно, по наименованию материала, из которого такой халат был изготовлен. «*Кендыр*» был туникообразного кроя и имел прямой разрез спереди.

Шорские халаты, хранящиеся в МАЭС ТГУ, хотя и имеют разделение на мужские и женские, но по внешнему виду эти различия проследить практически невозможно. Так, для примера можем рассмотреть халаты, привезенные А. К. Ивановым в 1927 г. из улусов Кыйрогус-кол, Топки, Усть-Тузес, Нижний Кечин, Карасук, Картыш, Кобурсуг, Верхний Тузас. И женские²⁹² (Приложение В. Рис. 17, 18, 19, 20) и мужские²⁹³ (Приложение В. Рис. 21, 22, 23, 24, 25, 26) халаты имеют одинаковый покрой. Существует некоторая странность в названиях. Так женский халат – *кендырь* и мужской халат – *шабур* имеют идентичный покрой, разница в том, что женский халат немного короче (Приложение В. Рис. 18, 21). Однако другой мужской *шабур* в точности повторяет женский *чайлык*, *шабр* и *кендырь* (записанный под другим номером). (Приложение В. 17, 19, 20, 22) Рис. Женский *кендыр*, который в описании Иванова, имеет название «*чайлык*»²⁹⁴ (Приложение В. Рис. 17) на вороте украшен ракушками каури, так же украшен другой женский халат²⁹⁵ (Приложение В. Рис. 20), на мужских *кендырах* это не замечено. Однако, такая выборка, безусловно, не является достаточной для того, чтобы делать вывод о характерности этой черты исключительно для женского костюма. Все экземпляры украшены вышивкой х\б или шерстяными нитями и фрагментами цветной материи, которую использовали в качестве отделки. Никаких существенных различий между халатами, позволяющих сделать вывод о принадлежности к мужскому или женскому костюму, нами не было обнаружено. Вероятно, такой же шорский костюм видел и Радлов. С проникновением на территорию Шории русской культуры традиционная одежда претерпела изменения, так, к примеру, женская

²⁸⁹ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 199.

²⁹⁰ Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 234.

²⁹¹ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №5979-76.

²⁹² Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6025-1, 6025-3, 6025-6, 6025-8.

²⁹³ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6025-2, 6025-7, 6025-9, 6025-11, 6025-12, 6025-13.

²⁹⁴ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6025-1.

²⁹⁵ Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6025-8.

одежда стала более явно отличаться от мужской: появились соответствующие декоративные элементы (рюши, оборки)²⁹⁶. Для нас такие рубахи в рамках данной работы не представляют интереса, так как не входят в хронологические рамки исследования. Мужские рубахи «*кунек*» шили из домотканого или покупного ситца, однако в описи Иванова под названием «*кунек*» значится длинное шелковое платье²⁹⁷, которое было им приобретено в улусе Мыски. Действительно это платье очень отличается от других моделей верхней одежды: ярко-малинового цвета с изображением цветов, оно совсем не похоже на другие шорские халаты.

В качестве зимней одежды у шорцев выступали овчинные шубы. Шорцы, проживающие на Мрассе, не имели специальной зимней одежды, а надевали несколько халатов для утепления. Обязательным элементом костюма были вязанные из овечьей шерсти рукавицы²⁹⁸. Предметы шорской коллекции МАЭС ТГУ, привезенные из улуса Мыски, свидетельствуют, что рукавицы шорцы изготавливали не только из шерсти. Такие рукавицы, представленные в МАЭС ТГУ, изготовлены из меха и обшиты черным плисом и атласом, имеют стилизованный растительный орнамент, выполненный красными, розовыми, желтыми и синими нитками²⁹⁹ (Приложение В. Рис. 27, 28). Данные рукавицы очень напоминают хакасские³⁰⁰ (Приложение В. Рис. 29). Очень редко шорцы использовали меховые шапки-ушанки³⁰¹. Другим видом зимнего головного убора является «*кышкы порук*»³⁰² (Приложение В. Рис. 30). Такой головной убор, хранящийся в МАЭС ТГУ, выглядит следующим образом: выкроен из одной длинной шкурки мехом во внутрь, сверху обшита сатином и ярко-малиновым кашемиром, по нижнему краю оторочена мехом. Сшита кендырными нитями. На макушке пришит кружок малинового кашемира с кисточками из разноцветных нитей.

Обувь у шорцев была кожаная, в некоторых случаях – с холщовыми голенищами. Встречалась у шорцев обувь из оленьего камуса³⁰³. В обувь вкладывали траву – «*озагад*»³⁰⁴, которая служила для обмотки ног вместо портянок (Приложение В. Рис. 31). Иногда шорцы

²⁹⁶ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 4. Одежда и украшения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 17.

²⁹⁷ МАЭС ТГУ, архив, дело № 112, лист 376.

²⁹⁸ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 365.

²⁹⁹ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №5979-10а, 5979-10б.

³⁰⁰ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №5954-80.

³⁰¹ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 365.

³⁰² МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6025-17.

³⁰³ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 366.

³⁰⁴ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №5979-6.

могли использовать чулки. «Кедир чулук» – это вязанные из кендырных ниток чулки. Предмет, хранящийся в МАЭС ТГУ, имеет декоративное украшение в виде пятнадцати горизонтальных линий мелких отверстий³⁰⁵ (Приложение В. Рис. 32).

У шорцев не существовало деления на повседневную и праздничную одежду. Но существовал отдельный костюм охотника. Костюм охотника состоял из короткой холодной куртки, которая не всегда была подбита войлоком (кошмой). Куртка запахивалась и подпоясывалась. Зимой шорец надевал на себя несколько курток, чтобы согреться. То же самое касалось и штанов: не было специального утепления, просто надевали несколько пар. Так как меховая одежда у шорцев не была распространена, то ее брали только зажиточные шорцы и для того, чтобы согреться ночью³⁰⁶.

Некоторые охотники имели «узан» – наплечник, который выполнял функцию капюшона для защиты от дождя. Известен «узун» скроенный их шкурок снятых с ног марала, сшитый кендырными нитями мехом наружу. Внешне он представляет глухую безрукавку, сшитую по бокам³⁰⁷. В коллекции МАЭС ТГУ есть предмет под названием «порюк»³⁰⁸ – головной убор, представляющий собой капюшон, облегающий голову и воротник (Приложение В. Рис. 33). Надо сказать, что шорские халаты не имели воротников, достаточных для утепления, поэтому «порюк» выполнял и эту функцию.

Интересно, что хотя охота была у шорцев главным хозяйственным занятием, меховой одежды у них практически нельзя обнаружить. И. Д. Хлопина объясняет это неумением шорцев выделывать шкуры³⁰⁹.

Штаны шорцы шили из домотканого грубого холста. Отличие женских штанов от мужских состояло только в длине. Штаны очень часто шили из кендырной ткани. Верхний край штанов подгибался и крепился на поясе при помощи продернутого шнурка из кендыря или конского волоса. Покрой штанов очень похож на крой других тюркских и монгольских народов³¹⁰.

Немаловажным элементом шорского костюма был пояс. Пояса шорцы ткали из разных материалов. Так, существовал у них пояс, тканый из овечьей шерсти³¹¹ (Приложение В. Рис. 34). Бытовали и тонкие пояса из ниток, которые подпоясывали рубахи,

³⁰⁵ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №5979-3.

³⁰⁶ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 27.

³⁰⁷ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 4. Одежда и украшения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 41.

³⁰⁸ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6150.

³⁰⁹ Хлопина И. Д. Горная Шория и шорцы // Этнографическое обозрение, 1992. №. 1. С. 112.

³¹⁰ Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 4. Одежда и украшения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 16.

³¹¹ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-20.

халаты или пропускали через специальное отверстие для подвязывания штанов. Отдельно необходимо отметить охотничий пояс. Этнографический фонд МАЭС ТГУ свидетельствует о том, что охотничьи пояса бытовали у многих сибирских народов. Стоит отметить, что такое снаряжение могло быть и в виде ремня-пояса, и в виде ремня-портупей. Обязательным условием было наличие на таком ремне пороховницы (чаще всего из коровьего рога), кожаного мешочка (для дроби и пистона), костяными мерками³¹². Помимо этого, ремень может быть снабжен отверткой для ремонта ружья, мешочек для кресала (огнива), нож с ножнами и тд.

Другим декоративным элементом шорского костюма является воротник. Воротники изготавливались отдельно, а затем нашивались на халаты, платья, рубахи. Украшали их мелкими пластмассовыми пуговицами, металлическими деталями, ракушками каури и вышивкой. Чаще всего воротники были длинные и узкие (внешне очень похожи на современный пояс), на рубахе они превращались в воротники-стойки³¹³ (Приложение В. Рис. 35). Существовали и более короткие и широкие воротники³¹⁴ (Приложение В. Рис. 36).

У шорцев были великое множество украшений. В экспозиции МАЭС ТГУ представлены шорские перстни-печатки и кольца, серьги, ушные подвески, приплетки для кос. Рассматривать подробно эти элементы культуры в рамках данной работы не станем, так как это является следствием занятия шорцев металлургией, что не может являться следствием наличия самодийского субстрата, а именно его определение и является целью работы.

Неоднократно было отмечено, что важнейшим материалом для шорцев был кендырь, но необходимо уточнить, что кендырем шорцы называли и крапиву, и коноплю³¹⁵.

Таблица 7 – Национальная одежда³¹⁶

Нарымские селькупы	Шорцы
Материал для ткани	
Крапива	Кендырь (крапива, конопля)
Верхняя одежда	
Порга (пальто с подкладом из кусочков меха)	Овчинная шуба
Кырняжка (шуба мехом наружу)	Кендырь (халат)

³¹² Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 281.

³¹³ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-78.

³¹⁴ МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6024-3.

³¹⁵ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 326.

³¹⁶ Подготовлена на основании проведенного сравнительного анализа.

Меховой жилет	
Овчинный тулуп	
Собачья доха	
Зипун	
Кайма (халат?)	
Нательная одежда, брюки	
Рубаха	Рубаха
Платье	Штаны из кендыря
Пюме (из кожи налима)	
Штаны из фабричной ткани	
Головной убор, обувь	
Платок	Кышкы-порук
Капор	Порюк
Женская шапка	Узан
Чирки	Кожаная обувь
Чулки (?) Из оленьей кожи	
Рукавицы, носки, пояс	
Исподки	Шерстяные рукавицы
Верхонки (из камуса, овечьей шкуры)	Меховые рукавицы, обшитые тканью
Ноп (из стерляжей кожи)	
Длинные женские шерстяные чулки	Кедир чулок
Мужские вязаные шерстяные носки	
Пояс женский из шерстяных ниток	Пояс из шерсти
Пояс мужской из выделанной кожи оленя	Пояс из ткани
	Ремень из кожи

Итак, резюмируем вышенаписанное. В традиционной одежде обоих народов имеются как сходства, так и различия. Остановимся на некоторых из подробнее. Наибольший интерес представляет отсутствие у шорцев меховой верхней одежды, что является странным в условиях высокой значимости охотничьего промысла для этого народа. И. Д. Хлопина говорила о неумении шорцев выделывать шкуры, однако у шорцев была известна шуба из овчины, меховые рукавицы, а для их изготовления также нельзя было обойтись без выделки шкур. Известно, что шорцы относились к ясачным людям и

пушнина у них использовалась преимущественно для уплаты налога, однако это не объясняет тот факт, что они, употребляя на охоте в пищу убитых зверьков, просто выбрасывали шкурку³¹⁷. Существуют сведения, что шорцы платили ясак также железом³¹⁸, однако это все же не объясняет расточительного отношения к шкуркам животных. Факт практически полного отсутствия у шорцев меховой одежды противопоставляет их селькупам, которые носили одежду из животных и рыбьих шкур.

У селькупов верхняя одежда тоже вызывает вопросы. В рамках данной работы интересны шубы из сборного меха, Н. А. Тучкова в диссертации также обращала внимание на этот феномен³¹⁹. Зимы в Нарымском крае всегда отличались своей суровостью, поэтому возникает вопрос об эффективности такой шубы по сравнению с шубой из цельного меха. Безусловно, шуба из цельного меха более надежное средство против холода, однако бытование у нарымских селькупов шубы из сборного меха сомнения не вызывает. Возникает логичный вопрос, с чем такое было связано? Очевидно, что дело здесь не в бедности, так как шуба из сборного меха служила показателем богатства охотничьих угодий и мастерства мужчины. Именно поэтому шуба состояла из множества лапок, хвостов, утиных головок, интересно другое, цельную шкурку, например, горноста, специально разрезали на ленты, а потом пускали в шитье. Таким образом, вся шуба представляла собой набор лоскутков. Такая технология точно не была изобретена под воздействием сильных морозов, и тут мы согласны с позицией Н. А. Тучковой, это сильный аргумент против автохтонности этого элемента в культуре селькупов. Однако, обратим внимание на приведённую выше таблицу, подобной одежды у шорцев нами не было выявлено.

Другой интересной особенностью является наличие у нарымских селькупов халата (*кваймы*), исследователи утверждают, что такая одежда встречается лишь у южной группы селькупов. Обратим внимание на одежду шорцев, халаты находились у них в широком обиходе. Шорский халат (*кендыр*) по описанию в точности повторяет селькупскую квайму. Селькупы рубаху изготавливали в раннее время из крапивного полотна, шорцы – из кендыря (крапива или конопля). Крапивное полотно ткали и нарымские селькупы, и шорцы³²⁰.

³¹⁷ Хлопина И. Д. Горная Шория и шорцы // Этнографическое обозрение, 1992. №. 1. С. 112.

³¹⁸ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 184.

³¹⁹ Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д – ра ист. наук. Томск, 2018. С. 185 – 186.

³²⁰ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры у хантов. Восточная группа. Томск, 1985. С. 152.

Остальные сходства в одежде не столь значительны, так как та или иная одежда в XIX – XX вв. уже бытовала у представителей разных народов. Так, к примеру, селькупские исподки по описанию совпадают с шорскими рукавицами, а меховые рукавицы шорцев были схожи с селькупскими верхонками. Однако имеющихся сведений недостаточно для того, чтобы делать выводы о преемственности культуры. Различия также вполне объяснимы. Большую роль в традиционной одежде селькупов играли материалы, полученные в ходе рыбного промысла. Однако, мы уже выяснили, что рыболовство в культуре шорцев занимало не первое место, что объясняет отсутствие среди национального костюма одежды из рыбьей шкуры. Интересно, что слово исподки бытовало у русифицированных групп Причумышья, которые в истоке были тюркизированными аборигенами этих мест, близкие шорцам и северным алтайцам.

При написании главы была поставлена задача выявить общее и особенное в хозяйственной деятельности и материальной культуре нарымских селькупов и шорцев. Считаю поставленную задачу выполненной. Нами был проведен сравнительный анализ материальной культуры и хозяйственной деятельности через сравнение рыболовного и охотничьего инвентаря, предметов собирательства, жилища, национальной кухни и одежды. По каждому вопросу представлены сравнительные таблицы, которые, в большинстве своем, показывают некоторое сходство в культуре изучаемых народов. Мы не приводим сравнение животноводства и огородничества, потому что в изучаемый период у нарымских селькупов данные занятия еще находились в зачаточном состоянии, кроме того, они были переняты у русских, что исключает возможность выявления самодийского субстрата. Были обнаружены некоторые показательные черты, такие как развитое рыболовство, жилище-полуземлянка, временное промысловое жилище балаган, распашной халат. Именно они могут служить доказательством наличия у шорцев самодийского субстрата. Однако, другие сходства в материальной культуре и хозяйственной деятельности вполне закономерны и объясняются схожим природно-географическим положением, то есть подобные элементы культуры можно найти и у других соседствующих народов. Таким образом, проведенный сравнительный анализ, на наш взгляд, недостаточен для того, чтобы говорить об общем происхождении или же субстрате.

3.1 Мифологические представления

Селькупы. Как известно, селькупам свойственно делить Вселенную на три мира: верхний, средний и нижний, который в вертикальной картине мира представляется как подземелье и ассоциируется с темнотой, злом и смертью. Этот аспект не является уникальным, подобные описания можно встретить у многих народов, не является исключением и античная мифология. В горизонтальной картине мира весь мир представляется, как река, где верхним миром считаются верховья реки, средним, населенным людьми, – среднее течение реки, нижним – устье реки³²¹.

Интересно, что селькупы не воспринимали мир мертвых, как некую разрушительную силу. Напротив, тымские селькупы (чумылькупы) считали, что их прародительницей является дочь подземного старика (чут ылгыт арат не), которая, по легенде, бытовавшей на Тыму, из-за обмана мужа убежала к своему отцу подземному старику (лоз ара), жившему глубоко под землей, там она родила единственного сына, от которого пошли чумылькупы³²².

Селькупы считали, что подземный мир имеет жизнь. Там светят луна и солнце, только противоположно миру живых, то есть, когда на земле идет день, под землей – ночь. Покойники ведут свою жизнь: живут в чумах, охотятся, многие находятся там целыми семьями, иные ждут своих родных. Там не существует проблем, люди живут сыто, все благоденствуют. Все это присуще вертикальной картине мира, в горизонтальной же все несколько иначе. Считается, что в устье реки находится город мертвых, куда покойники плывут в долбленных из кедра колодах.

Нижним миром у селькупов считались кладбища – родовые «стойбища мертвых» или «покойницкие холмы», располагавшиеся всегда на берегу реки, на нижнем участке течения, проходившем по родовой территории. Считалось, что жилищем мертвецов там служат многочисленные гробы³²³.

Деревья занимали особое место в мировоззрении селькупов. Считалось, что по жертвенным деревьям (коссыл по) просьбы людей уходят на небо или в мир умерших. На

³²¹ Степанова О. Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов// Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда. Этнографические очерки. Санкт – Петербург, 2007. С. 182–183.

³²² Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, ТГУ, 2004. С. 310–311

³²³ Степанова О. Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов// Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда. Этнографические очерки. Санкт – Петербург, 2007. С. 182.

всех культовых местах селькупов обязательно были деревья, на них часто вырезали личины. По поверью, деревья обладают большой энергетической силой, которую они могут передать человеку. Считалось, что у каждого селькупа есть свое дерево и, чтобы его найти, необходимо прислониться спиной к стволу, так человек должен почувствовать подходит оно ему или нет. Не стоит прислоняться к корявым, гнилым деревьям, так как они тоже обладают мощной энергетикой, но у них она плохая, тяжелая, и если человек выберет для себя такое дерево, то большая тяжесть ляжет на его плечи³²⁴. В селькупской мифологии есть такой персонаж, как Корневой старик, он жил у истока реки, где прорастало священное дерево, корни этого дерева были истоками рек, из этих же корней выходили человеческие души. Существует также предание о семикорневом дереве, в котором живут семь змей, охраняющих души до рождения³²⁵.

Большую роль в культуре селькупов имел культ огня. Огонь был представлен в виде женщины – мать огня, однако ее внешность никому не известна. Обитает мать-огня на нижних ярусах земли в огненном мире. Каждый костер – ее ребенок. Существовал ряд запретов, связанных с огнем: нельзя было бросать в огонь рыбные кости, бить огонь палкой или железом. Кормление огня – особый ритуал. Огонь кормили чистым деревом, кусочками жира, каплями масла. В дар огню клали пули, звериные шкурки, кусочки жира и мяса³²⁶.

В представлении селькупов все духи имели сторгию иерархию. На вершине находились духи-хозяева природных стихий и местностей. Они не были добрыми или злыми, но селькупы верили, что они помогают им в промысле, поэтому старались их всячески задобрить. Далее шел главный злой дух Ло, ему подчинялись другие злые духи – лозы. Возможно, Ло – это существо женского пола, которое появляется из-под земли под видом старухи. Все злые лозы живут в земле. Они боятся молнии и грома, поэтому во время грозы прячутся в дупла деревьев. Такие лозы ростом с человека, все покрыты шерстью и имеют единственный глаз на лбу, поэтому к ним часто применим эпитет «одноглазый черт»³²⁷.

Помимо этого, Ло имеет помощников, которые носят название «тчугъл лооз». Они, подобно другим покойникам, обитают под землей семьями. Они плодятся как ягода. Любой человек может стать тчугъл лозом, но для этого нужно иметь очень крепкую веру в Ло. Иногда Ло сам выбирает себе душу в прислужники, обычно это души новорожденных.

³²⁴ Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким – Мелони А.А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.187.

³²⁵ Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству// Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 10–11.

³²⁶ Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. С. 27–28.

³²⁷ Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким – Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004.С. 186–187.

Тчугъл лоозы стараются всячески нанести вред людям, они даже могут утащить живого человека под землю. Р. А. Ураевым от жителя с. Напас А. Портнягина было записан факт сравнения тчугъл лоозов с иудеями, по легенде, будто бы Христос приходил на землю Тымскую и тчугъл лоозы его распяли³²⁸. Но не все лозы злые. Этим словом также называли шаманских духов-помощников, к примеру: логан лоз (лисы дух), коргын лоз (медведя дух). Они имели облик соответствующего животного, помогали шаману в его странствиях, давали информацию во время предсказаний, охраняли от враждебных действий других шаманов.

Лягушка в мифологии селькупов выступает помощником. Так, по легенде, во время потопа лягушка спасла селькупов, к которым в лодку забрался лоз и продырявил ее, лягушка же собой заткнула отверстия, не дав тем самым лодке потонуть³²⁹.

Интерес представляет культ медведя у селькупов. Селькупы на медведя не охотились. Это привело к тому, что в 1920-х – начале 1930-х гг. медведей в этих краях развелось великое множество. В это же время был организован Тымский национальный район, куда начали переселяться многие селькупы с Оби, Парабели и других рек. Часть из них перебралось на новое место жительства вместе с домашним скотом, который в очень короткий срок оказался уничтоженным медведями. Местные власти были вынуждены призвать население к систематической охоте на зверя. Это вызвало возмущение тымских селькупов, считавших медведей своими единокровными родичами³³⁰. Медведь – хозяин леса, но нередко черт или дьявол мог выступать в виде медведя. Интересен ритуал убийства медведя. Процесс разделки туши и снятия шкуры показывает сходство медведя и человека³³¹. Считалось, что в медвежьем теле заключена душа человека и медвежий праздник – это процесс высвобождения человеческой души³³². В медвежьем празднике наблюдались следующие черты: на глаза зверю клали монеты, на морду – металлический или берестяной кружочек, затем голову варили в котле на костре и уносили в лес³³³. Селькупы считали, что черепа ранее убитых медведей, укрепленные на дереве, видят все преступления, совершаемые людьми, а наказывают людей за это живые медведи³³⁴. В

³²⁸ Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов: (по данным экспедиции 1956 года) // Труды Томского государственного объединенного историко – архитектурного музея. Т. 7. Томск, 1994. С. 74–78.

³²⁹ Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко – самоедского) шамана // Сб. МАЭ. М. – Л., 1949. Т. 11. С. 352.

³³⁰ Яковлев Я. А. И зверье, как братьев наших меньших... // Земля Каргасокская. Томск: ТГУ, 1996. С. 34.

³³¹ Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким – Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 174.

³³² Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. С. 56.

³³³ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. ТГУ, 1972. С. 265.

³³⁴ Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. С. 56.

верховьях Васюгана в XIX в. существовал обычай поклонения убитому медведю. Известны случаи погребения головы медведя в землю, примером этого служат «Васюганские медвежьи могилы»³³⁵.

У южных селькупов существуют предания о Мачын нейд – лесной женщине, лешачке. Наиболее развернутое представление о ней записаны в чумылькупском ареале. Считается, что живёт она в лесу и является хозяйкой всех лесных тварей. Её постоянная спутница – белка с золотой лентой или маленькая черная собака. Сама Мачын нейд очень хороша собой: высокая, красивая, волосы длинные до пят, зимой ходит на лыжах, подбитых мехом, к поясу у неё подвешены белчьи шкурки, на голове – белый платок, на ногах – белые чирки. Видеть её к большой охотничьей удаче. На Оби образ Мачын нейд, по фольклорным данным, представляется несколько иначе: делается акцент на её невысоком росте, поэтому её синонимичным именем является «маленькая женщина» (Масуй нейгум), отмечается наличие у неё длинной рыжей косы. Чтобы её задобрить люди специально ставят амбары в лесу и приносят в подарок ткани. Некоторые полотнища ткани Масуй нейгум развешивает на деревьях рядом с амбаром (в знак того, что она приходила, смотрела и всем осталась довольна). Некоторые куски она режет на ленты и метит ими своих белок-спутниц. Лесная женщина может выбрать себя мужа из охотников, в таком случае ему гарантирована большая охотничья удача. Однако, если Мачын нейд заметит измену избранника, то удача от него отвернется, пропадет способность к охоте, а у людей в целом наступит голод и смерть³³⁶.

Шорцы. Согласно мифу мир произошел из водного пространства, по которому плавали две утки. Одна предложила идею создать землю из ила, вторая нырнула за илом, который первая утка разбросала по воде, так и появилась земля. Вторая утка вышла на сушу и стала разбрасывать камешки, которые превратились в горы. Л. П. Потапов утверждает, что в шаманском варианте первую утку представляет Ульгень, а вторую – Эрлик³³⁷.

Согласно традиционному мировоззрению шорцев, мир разделен на три сферы: небесная земля Ульген-чер (земля Ульгения) – небо; средняя земля – орты чер или бистынчер – наша земля; земля злых духов – ай-начер – подземный мир³³⁸. Владения Ульгения включают в себя девять небес. На первом, самом нижнем, помещается молния – плеть для бело-сивого коня Ульгения, гром – удары плетью и здесь же живет хозяин первого неба с

³³⁵ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. ТГУ, 1972. С. 117.

³³⁶ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 199 – 201.

³³⁷ Потапов Л. П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник //Сибирский педагогический журнал. 2006. №. 3. С. 90–91.

³³⁸ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 397.

женой и детьми. Второе небо – синий пояс, здесь помещается синяя часть радуги. На третье небо – красный пояс, четвертое – серый пояс, пятой – голубой, шестое – красный, здесь живут красные женщины. На седьмом небе находится луна, на восьмом – солнце, на девятом проживает сам Ульгень³³⁹.

Особое внимание в культуре любого народа отдается огню. Интересная версия обретения шорцами огня была записана Н. П. Дыренковой. Ульгень при сотворении мира не дал шорцам огня, отчего жилось им очень трудно – нельзя согреться или приготовить еду. Попросили люди птиц найти им огонь, но птицы, хотя и слетали в разные земли, не смогли огня достать. Тогда птица огня предложила шорцам ударить камень о камень и появился у них огонь³⁴⁰. Важное место занимал обряд кормления огня. Охотники, уходя на промысел, обязательно отдавали дань традиции. В огонь бросали кусочки пищи, считалось, что любил он сало. Если не было удачи в охоте, огонь могли наказать и не кормить вовсе. Обращение к огню состояло в просьбах дать удачу в охоте на зверя³⁴¹. Существовали и запреты: нельзя было перешагивать или передавать что-то через огонь³⁴². В представлениях шорцев огонь выглядел, как женщина – мать огонь³⁴³.

Интересное отношение у шорцев было к медведю. Существуют легенды о связи медведя с женщиной. По преданию, обстоятельства знакомства медведя с женщиной могли быть разными, однако во всех случаях женщина беременела от него и рожала получеловека-полумедведя: «родила шерстистого не то зверя, не то человека»³⁴⁴. Затем ребенок-медведь в силу разных причин оставлял мать и убегал в лес. Медведя шорцы считали своим дядей³⁴⁵.

Существует у шорцев и описание медвежьего праздника. Найдя берлогу, ее окружают и заваливают отверстие срубленными деревьями. Далее, по одной версии, в берлогу засовывают длинную жердь и ей раздражают медведя, по другой версии, в берлогу запускают дым, медведь, задыхаясь, ревется наружу, во всех случаях охотники его убивают из ружья. Медведю обламывают зубы, затем сдирают шкуру, по мясу бьют прутьями, приговаривая: «зимою – предо мной проходи; если летом – мимо меня проходя, ходи!». Все это действие сопровождается слезами и стенаниями «наш великий дядя умер». Медведю отрезают голову, мясо срезают, рот отрывают, на огне опаляют. Голову медведя

³³⁹ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 397.

³⁴⁰ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 285.

³⁴¹ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 30.

³⁴² Там же. С. 50.

³⁴³ Там же. С. 150.

³⁴⁴ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 279.

³⁴⁵ Там же. С. 277–281.

складывают в раздвоенный сук черемухи и прощаются словами: «в весенний день на месте твоего лежания лежи, в осенний день – у входа берлоги лежи! В зимний день да буду я ходить по твоему предберложью! Более великий чем гора, мой дядя, ты на нас не сердись! Здесь оставайся!». Затем охотники стреляют из ружья и уходят³⁴⁶.

Если говорить о деревьях, то здесь важную роль играла береза. «По вскрытию реки Кондомы кузнецкие инородцы праздновали праздник березы: наваривали браги, нарядились в лучшие одежды, собрались каждый улус у своей заветной березы, навешали тряпки различных цветов и конский волос. Один из толпы, сведущий, брызгал несколько раз на березу, призывая демонов»³⁴⁷.

Человек обитает на средней земле вместе с многочисленными духами – хозяевами гор, рек, озер, тайги³⁴⁸.

Обращения к духам-покровителям были неотъемлемой частью любого промысла. Участники могли обращаться с молитвой к хозяину воды или горы. На родовых молениях к хозяевам воды или гор обращался старший в роду, а общение с духами нижнего и верхнего мира считалось исключительной способностью шамана³⁴⁹. В жертву духам приносили абыртку, продукты, необходимые для обряда, приносила каждая семья³⁵⁰.

Охотничий промысел шорцев связан с хозяевами гор и тайги. Важной фигурой в промысле шорцев была Хозяйка горы – дочь Хозяина горы. Она любила вступать в брак с охотниками. Существует легенда, согласно которой Хозяйка горы в виде молодой девушки с большой грудью приходила к промысловому стану и спрашивала холостого мужчину, знающие охотники на этот вопрос не отвечали, а кто откликнулся, того Хозяйка брала за руку и уводила за собой. Есть и другие описания Хозяйки: «половина тела в зеленом переливчатом платье, ноги в каменных сапожках», «лицо у нее было как у человека», «руки ее с когтями», «зубы похожи на заячьи». Имеется и другая легенда, по которой охотник женился на Хозяйке горы, была она невидима всем, кроме него, большая удача сопровождала промысел охотника, пока он не рассказал другим людям о своей связи с Хозяйкой, она это поняла, покинула охотника и удача от него отвернулась. Существовали у шорцев также Хозяйка и Хозяин воды. Хозяйка воды показывалась в виде обнаженной

³⁴⁶ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 275–277.

³⁴⁷ Там же. С. 439.

³⁴⁸ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2018. С. 398.

³⁴⁹ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 438.

³⁵⁰ Там же. С. 439.

женщины с большой грудью и длинными золотистыми волосами, которые она расчесывала, сидя на берегу или на льдине. Хозяин воды считался похожим на рогатого черного зверя³⁵¹.

Мы не приводим подробного описания всех мифологических сюжетов изучаемых народов, так как уже проведенный сравнительный анализ дал искомый результат. Выявлены схожие черты в отношениях народов с огнем, отмечена общность продуктов, используемых для кормления, у обоих народов огонь имеет женское начало – мать огня. Интересно, что и селькупы, и шорцы отдают дань Хозяйке леса, культ которой представлен в легендах и мифах шире, чем культ Хозяина леса. Изучаемые народы едины во мнении, что Хозяйка леса (Лесная женщина) является дочерью Хозяина леса (Хозяина лесной тропы) и представлена в образе молодой женщины. Медвежий праздник у селькупов и шорцев очень схож, так процесс снятия с медведя шкуры, операций с медвежьей головой практически полностью идентичны. Однако, в ходе проведения сравнительного исследования мифологических сюжетов подтвердилась точка зрения А. М. Сагалаева о том, что выявленные сходства далеко не всегда могут свидетельствовать о родстве народов³⁵². Так, обратившись к этнографической литературе по мифологии других сибирских этносов, выяснили, что выявленные сюжеты наблюдаются у многих соседствующих народов. Опираясь на трехтомник «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири»³⁵³, можем отметить, что духовная культура шорцев более схожа с культурой северных алтайцев, южных алтайцев, хакасов и др. Таким образом, мы считаем, что мифология не может считаться хорошим маркером для решения вопроса этногенетического родства.

3.2 Некоторые черты традиционной обрядности

Родильная обрядность. Селькупы. Рождение ребенка является важнейшим событием в жизни любого человека. У селькупов рождение ребенка сопровождалось рядом обрядных действий. Роженица оправлялась в специально построенный для нее чум или же в помещение, откуда все мужчины предварительно удалялись. Никогда селькупка не стала бы рожать в том месте, где до нее рожала другая женщина, это считалось очень дурной приметой. Процесс родов зависел, как считалось, от моральных качеств женщины, так если

³⁵¹ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 259–273.

³⁵² Сагалаев А. М. Урал-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.

³⁵³ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирское отделение издательства "Наука", 1990. 209 с.; Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирское отделение издательства "Наука", 1988. 225 с.; Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирское отделение издательства "Наука", 1989. 243 с.

она вела неблагочестивый образ жизни, была неверной, то и роды проходили трудно и болезненно.³⁵⁴ Другой причиной трудных родов могло быть появление Ло (черт, злой дух). «Иногда Ло сама выбирает душу новорожденного человека и превращает его в чугуль лоз. Как правило, ребенок в таком случае трудно появляется на свет. Длительные роды завершаются тем, что приходит Ло в виде старухи и велит ребенку родиться (дает ему душу), но обещает, что через три года она заберет его к себе: «ибо я дала ему душу, и он принадлежит мне». В момент внедрения души Ло борется с посланниками бога Ноп кула. Если побеждает она, то ребенок через три года умирает, а его душа становится чугуль лоз»³⁵⁵.

«Первую неделю (от рождения до отпадения пуповины) ребенок находился во временной колыбели – берестяной коробочке, представляющей собой кусок бересты с загнутыми вверх углами»³⁵⁶. Селькупы старались всячески защитить ребенка, особую опасность, на их взгляд, представляли лозы (злые духи). Так Г. И. Пелих на Тыму было записано: «Раньше лозы часто детей воровали. Пока ребенок маленький, чтобы его не замечали лозы, надо ему в люльку (под опилки) нож положить. Лоз наколется о нож и ребенка не возьмет. А то лозы могут подменить, своего ребенка подсунут. Подсунутый лозами будет век мучиться, а не расти»³⁵⁷. Когда у младенца отпадала пуповина, селькупы устраивали ей похороны. Для этого ее помещали в набирку, изготовленную из бересты, по форме напоминающая треугольник. Обряд захоронения пуповины очень напоминал обряд всячего захоронения человека.

До 3-4 месячного возраста ребенок находился в специально изготовленной для него колыбели из бересты. На дне колыбели лежали гнилушки, на которые, в свою очередь, был насыпан заячий или олений пух. Зимой колыбель находилась в специальном мешке из оленей шкуры. Другой вид колыбели – это деревянная лежащая колыбель. В отличие от берестяной она не изготавливалась специально для каждого ребенка, а передавалась от старшего к младшему в случае, если дети, выросшие в этой колыбели, были здоровыми. Если ребенок умирал, то у колыбели на кладбище выламывали днище, а саму вешали на ближайшее дерево. Для мальчиков колыбель изготавливалась из кедра или ели, для девочек – из березы. У нарымских селькупов, помимо вышеописанных, известна колыбель, сделанная в форме четырехугольника из деревянных реек, днище у такой колыбели было из полотна. От углов колыбели были протянуты ремни, которые крепились на крюк,

³⁵⁴ Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 125.

³⁵⁵ Кузнецова А. И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким – Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 186.

³⁵⁶ Там же.С.128.

³⁵⁷ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. ТГУ, 1972. С. 337.

который, в свою очередь, был закреплен на тетиве лука. Лук подвешивали к потолку³⁵⁸. Сидячую колыбель ребенок получал, только когда у него прорежутся зубы, с этого момента его начинали считать человеком, до этого же его относили к категории существ, не имеющих присущих качеств человека. На такую колыбель часто подвешивали украшения как самодельные, так и штампованные.

Для защиты ребенка от лозов использовал обереги. «В Нарыме иногда на спинке колыбели «копт» или на внешней стороне обечайки колыбели «питы» (со стороны головы) вырезали крест, «чтобы, когда останется один, нечистая сила не заглянула и не унесла». Деревянная кукла – покровитель изготавливалась ребенку к появлению зубов и сохранялась у него на протяжении всей жизни³⁵⁹.

Имя ребенку обычно давала старуха, принимавшая роды, в иных случаях – отец, реже – мать. Имена происходили от названий животных (Тама – «мышь»), от слов, обозначающих особенности индивида (Сайгта – «слепой»), от названий частей тела (Мунд – «палец»), от топонимов мест рождения (Ширталя – от гидронима Ширта). Встречались и русские имена, но они обязательно преобразовывались в соответствии с нормами селькупского языка (Яки – Яков, Миха – Михаил)³⁶⁰. Женским именам не придавали особого значения. А. Ф. Плотников писал: «девочки никого имени не получили»³⁶¹.

Шорцы. Рождение детей у шорцев не праздновалось широко. Роды принимала чаще всего соседка, она обрезала пуповину обычным ножом, заворачивала в тряпку и прятала в сухом месте³⁶².

Если в семье рождался мальчик, то отец делал маленькую копию лука и стрелу, которые являются символом богини Умай – покровительницы детей, которая, как считалась, дарила ребенку жизнь; в случае рождения девочки – к стене над колыбелью прибавляли вершинку молодой березы, которая являлась символом свадебного шалаша³⁶³. Иногда шорцы девочкам клали под изголовье стрелу без лука, завертывая ее в беличью шкурку или в кусочек холста из кендыря³⁶⁴. Затем обязательно появлялся шаман, который варевом из рядка или кедрового ореха обрызгивал угол, где находились лук со стрелой либо

³⁵⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. ТГУ, 1972. С. 129–132.

³⁵⁹ Там же. С. 135

³⁶⁰ Там же. С. 136.

³⁶¹ Плотников А. Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С. 40.

³⁶² Кимеев В. М. Шорцы. Основные черты социального устройства и семейной обрядности // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 292.

³⁶³ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 328.

³⁶⁴ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 248.

березка³⁶⁵. В качестве оберега от злых духов в колыбельку клали ножик или ножницы, а также привязывали к веревке пулю или пуговицу, подаренные ребенку на счастье³⁶⁶.

Шорцы всячески старались защитить ребенка от айна – злого духа, который везде выслеживает ребенка с целью причинить ему болезнь или даже смерть. В течение трех дней после рождения ребенка в юрте должен гореть огонь, чтобы не попустить айну к младенцу. Если ребенок долго не подает признаки жизни, то ударяют в железные котлы или вешают в юрте заряженное ружье, чтобы отогнать злого духа. Родители все время борются с айной: ребенку даже могли поменять имя, если он часто болел, а если в семье уже умирали дети, то новорожденного могли назвать как-то неприглядно, чтобы айна его не побеспокоил³⁶⁷.

Имя у шорцев не обладало каким-то сакральным смыслом, так его мог дать «отец, мать, всякий пришедший или приехавший в это время родственник, знакомый или даже совсем незнакомый, посторонний человек»³⁶⁸. Но имя принимается только в том случае, если оно не совпадает с именем отца³⁶⁹. Могли называть ребенка в честь какого-то старика, считалось, что тогда человек тоже мог прожить до глубокой старости³⁷⁰.

Ляльку окуривали горящими углями и зажженным можжевельником, чтобы выгнать злого духа. Первая лялька у ребенка всегда была из бересты, вторая – из дерева и изготавливает ее дед по отцу. Если ребенок умирал, то ляльку не оставляют для следующего, она становится участницей погребального обряда³⁷¹.

У шорцев существовали ляльки четырех типов. Первый – колыбель в виде коробки с низкими бортиками, сделанной из цельного куска бересты, сшитого кендырными нитями; второй тип – берестяная пластина, укрепленная черемуховым ободом по краю и пришитая кендырными нитями к доске основания, к обручу пришивался обруч, образуя подобие полога, такая колыбель имела мочеточник с желобком для выведения испражнений; третья колыбелька была с прямоугольным дном и стенками из кедровых дощечек, скрепленных ремнем в такой зыбке тоже был мочеточник; четвертый типа был самым распространенным, представлял собой затянутую холстом деревянную раму, которая

³⁶⁵ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 328.

³⁶⁶ Кимеев В.М. Шорцы. Основные черты социального устройства и семейной обрядности // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. М.: Наука, 2006. С. 293.

³⁶⁷ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 246.

³⁶⁸ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 328.

³⁶⁹ Там же. С. 328.

³⁷⁰ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 246.

³⁷¹ Там же. С. 246–247.

подвешивалась за углы к потолку с помощью кендырных ниток, в месте соединений веревок иногда крепили обереги³⁷².

Часто детей кормили из коровьего рога с соской из коровьего вымени, которое предварительно выдерживали в соляном растворе³⁷³.

В родильной обрядности селькупов и шорцев наблюдаются сходства. Оба народа особую значимость придают пуповине, как связи матери с младенцем, только у селькупов пуповину «хоронят», а шорцы хранят ее в семье. Также интересен факт, что в качестве оберега для мальчика-младенца представители обоих народов использовали лук.

Свадебная обрядность. В XIX в. селькупская семья часто представляла из себя совместное проживание взрослых братьев вместе с женами и детьми. Взрослые сыновья этих братьев тоже жили здесь вместе со своими женами и детьми. Так в среднем селькупская семья достигала 20 и более человек. Семьи, как правило, насчитывали от двух до четырех поколений. В Тымской волости примером четырехпоколенной семьи являлась семья Куниных. Селькупские семьи состояли не только из родных, но и из двоюродных братьев. Если умирал один из братьев, его вдова оставалась в семье. В случае смерти старшего брата, главой семьи становилась его жена. О наличии семьи подобного типа у южных селькупов свидетельствуют воспоминания Е. Т. Талаевой, которая рассказывала, что у нее в семье жили «семь дядей и братьев, в одном месте дети, жены их...»³⁷⁴.

Говоря о брачных отношениях селькупов, нельзя не обратиться к исследованию Г. И. Пелих. Она выдвинула и доказала гипотезу о том, что на XIX в. у нарымских селькупов действовали нормы кольцевой связи. По данной версии, каждое племя распадалось на три экзогамные брачные группы, среди которых и заключались браки. «Мужчины группы А женились только на женщинах группы Б, те, в свою очередь, женились только на женщинах группы В, мужчины группы В женились на женщинах группы А Селькуп, вступивший в брак вне своего племени, уже выпадал из норм кольцевой связи»³⁷⁵.

Однако у селькупов также известны случаи и группового брака. Так, начиная с XVII в., были замечены факты наличия у одного лица нескольких партнеров: «у нарымских и кетских остяков жен множество, сколько хотят, столько и держат»³⁷⁶. В юртах Варгананжиных на Тыму со слов Л. У. Пычкиной была записана легенда о происхождении

³⁷² Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки: монография. Кемерово, 2016. С. 139–140.

³⁷³ Там же. С. 140.

³⁷⁴ Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 89 – 91.

³⁷⁵ Пелих Г. И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Этнографический сборник ТИЭ. М. – Л., 1962. Т. 78. С. 182–184.

³⁷⁶ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника... в 1675 г. Зап. РГО по отделению этнографии, Т. 1, вып. 1. С. 84.

чумылькупов. Из нее следует, что трое братьев победили злого старика с бородой и взяли замуж его дочь. Жили они вчетвером и от них пошли все чумылькупы³⁷⁷. Авторы XIX–XX вв. замечали специфическую особенность селькупов – их ветреность. При чем это касалось как мужчин, так и женщин. Имеются сведения, что на начало XX вв. супружеская неверность среди женщин встречалась очень часто, она же и жестоко каралась. Так, из воспоминаний нарымского селькупа, можно узнать, что за измену женщину били бичом, при этом наказывать ее должен был тот, с кем она изменила мужу. Однако наказание следовало, если женщина изменила с врагами мужа. Если же измена произошла с его родственниками или друзьями, это никак не пресекалось. Так Н. П. Кичев говорил: «нет среди остяков ревности. Если понравилась жена брату, то нельзя возразить, ничего против сказать. Если русский попадет к остякам, если они его принимают хорошо, то предлагают свою дочь, жену». Не было негативного отношения и к добрачным связям молодых людей. Если девушке случалось забеременеть до брака, то родители не винят ее, но пытаются найти отца ребенка, чтобы заставить жениться или же заплатить калым. Последнее часто было предпочтительно.

Женщина в XIX–XX вв. занимала приниженное положение. В то же время, известны случаи, когда девушки проявляли инициативу в вопросах замужества³⁷⁸. Ярким примером подобного является Мачын нейд (Лесная женщина, лешачка). Она сама выбирает себе охотника в мужья. Тот проходит определенные испытания, после чего она дарует ему успех в промыслах³⁷⁹. Хотя женщины и занимали приниженное положение, и все семьи характеризовались патрилинейностью, известны случаи, когда дети носили фамилию матери, существуют даже упоминания отчеств, производных от материнского имени. Вместе с тем, есть свидетельства о том, что после свадьбы муж переходит жить в дом жены. Такое, конечно, не встречалось повсеместно, но имело место быть. Реальная брачная политика селькупов в XIX–XX вв. характеризовалась моногамностью. Это связано, в первую очередь, с тем, что женщин репродуктивного возраста было меньше, чем мужчин³⁸⁰.

Традиционно юноши могли вступать в брак с 17 лет, средний возраст жениха был 18-19 лет. К этому времени молодой человек должен был обладать всеми необходимыми для жизни навыками: мог самостоятельно охотиться и рыбачить, ремонтировать и изготавливать снасти, средства транспорта. К этому возрасту юноша становился социально зрелым, то есть усваивал все необходимые нормы для семейной жизни. В семье

³⁷⁷ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 329–330.

³⁷⁸ Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 65–68.

³⁷⁹ Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 199.

³⁸⁰ Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1984. С. 70.

соблюдалась строгая иерархия: сначала женился старший сын и далее в порядке возрастания. Брачный возраст для девушки 16-17 лет, но известны случаи, когда невестам было 13-14 лет. Невеста также должна обладать необходимым минимумом знаний, но их отсутствие не служило серьезным препятствием для брака, так как в новой семье невесту могли им обучить.

У селькупов выделяются три вида брака: калымный, «убегом», со свободным партнером. Наиболее распространенным был калымный брак, он свойственен как северным, так и южным селькупам. Имея в виду нарымских селькупов, А. Ф. Плотников писал: «По понятиям инородцев калым есть цена за девушку как за товар»³⁸¹. Жених выбирал невесту путем гадания, в которых участвовал шаман. Убедившись, что невеста подходит, жених приступает к сватовству. Как уже говорилось выше, чаще всего в роли свата выступал дядя жениха. Сватовство чаще всего проходило весной (период после окончания ледокола и до появления комаров). Нарымские селькупы, приехав сватать невесту, останавливались у своих дальних родственников либо знакомых. Жених не участвовал в сватовстве, его цель была лишь увидеть невесту.

Обряд сватовства заключался в следующем. Жених укладывал в котел подарки для родителей невесты. «Подарки состояли обычно из отрезков бархатной и хлопчатобумажной ткани, платьев, рубашек, шкур пушных зверей, связок бус. К ткани могли привязывать деньги. Сват (сваты) молча появлялся в чуме у родителей невесты и ставил котел у ног отца девушки. Оставив котел, сват уходил». Если отец оставался недоволен подарками, то они были возвращены к чуму жениха, который либо заменял их, либо увеличивал их количество. Это могло повторяться несколько раз, отец невесты и сваты не разговаривали в это время.³⁸² Размер калыма у южных селькупов варьировался от 10 до 100 рублей.³⁸³ В отличие от северных селькупов, у которых натурализованный калым выплачивался, в основном оленями, нарымские селькупы платили пушниной, комплектами русской одежды, скотом. Размер калыма зависел как от ее личных качеств, так и от социально-экономического положения ее семьи, отдельно оценивалось наличие у невесты добрых связей, если их не было, то жених доплачивал ее родителям. Известны случаи, когда жених, в силу материального положения, не мог сразу отдать весь калым. В такой ситуации плата делилась на несколько лет³⁸⁴. Это могло проявляться в виде колыбельного сговора, когда отцы новорожденных мальчика и девочки заключали между собой соглашение поженить

³⁸¹ Плотников А. Ф. Нарымский край. Санкт-Петербург, 1991. С. 76.

³⁸² Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 89–91.

³⁸³ Плотников А.Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С. 76.

³⁸⁴ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 72.

детей, когда те подрастут. Иногда это были не груднички, а дети 2-3 лет или же подростки. Мнения жениха и невесты не учитывалось, так как договор был сильнее этого³⁸⁵. Однако нарымские селькупы при сватовстве оговаривали невозможность венчания в церкви до полной выплаты калыма³⁸⁶. Приданное невесты было меньше калыма.

У нарымских селькупов приданное состояло из утвари, одежды, скота, иногда денег. После заключения брака приданное становилось собственностью мужа, переходило в хозяйство семьи. Калым же не возвращался мужу в случае смерти жены, но при разводе муж мог получить его назад в случае, если причиной развода стали нелицеприятное поведение женщины. Женщина же была практически лишена возможности расторгнуть брак, так как она, по сути, была куплена мужем, а значит, находилась в его собственности. Родители не поддерживали женщину в вопросе развода, но, если она все же решалась на такой шаг, муж оставлял все имущество себе³⁸⁷.

Свадьба, как праздник, начиналась в чуме родителей невесты, а заканчивалась у жениха. Об этом событии всех оповещали еще во время сватовства. На селькупской свадьбе всегда было много людей, особое место, конечно, занимал шаман. Случалось, что селькупский шаман по разным причинам не мог присутствовать на торжестве, в таком случае, приглашали шамана из эвенков, кетов или хантов. В качестве свадебного наряда у невесты было платье обычно покроя, по возможности, новое, на нем присутствовали латунные украшения, такие же украшения были и в прическе невесты. В день свадьбы невеста сидела в родительском чуме, лицо было закрыто шалью. Жених, которого вносили в чум два друга, на своеобразных носилках, сделанных из сомкнутых рук, должен был белым платком, обвести вокруг головы невесты, после этого ритуала, жених вешал этот платок на один из шестов чуме, только тогда он мог приблизиться к невесте. Он садился рядом с девушкой, и мать покрывала их одной шалью с головы невесты, далее молодые должны были выпить одну чашку чая на двоих. Затем невеста снимала шаль с головы, и они присоединялись к гостям, которые принимались одаривать молодых. Родители давали наставления дочери, особенно подчеркивая необходимость подчинения мужу. Возле чума проходили игры, в которых участвовали и дети, и взрослые. На свадьбе играли на музыкальных инструментах и пели. Из угощений гостям предлагали как традиционную пищу, так и покупные продукты, из напитков – водка, чай, иногда, какие-либо хмельные напитки из мухоморов и можжевельника. По обычаю, первыми должны были угоститься

³⁸⁵ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 75.

³⁸⁶ Плотников А.Ф. Нарымский край. Санкт – Петербург, 1901. С.76.

³⁸⁷ Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 74.

старшие, нарушения этого правила каралось. В заключении праздника выступал шаман с предсказаниями для новобрачных, а потом и для гостей³⁸⁸.

Выше упоминалось, что нарымские селькупы венчались в церкви, по их представлениям, это узаконивало брак. Но весь успех венчания зависел от доброй воли шамана, поэтому не пригласить шамана на свадьбу – навлечь на себя несчастья³⁸⁹.

К началу XX века большую распространенность получил брак «убегом». «В последнее время у томских самоедов женихи... часто вовсе не засватают невест, а уговаривают их бежать от родителей и увозят к себе... Похищение невесты происходит с ее согласия.»³⁹⁰. По договоренности с невестой жених подъезжал к ее селению, невеста выходила, и они сбегали. Иногда жених приходил в дом родителей невесты, но не за тем, чтобы сватать ее. Он появляется в доме в качестве гостя, поил родителей алкоголем, а когда те потеряют бдительность, забирает невесту. Иногда могли украсть и замужнюю женщину, при условии, что у нее не было детей. Родители пытались догнать молодых, но им это редко удавалось, если жених успел привезти невесту в свой чум, то ее родители уже не пытались вернуть дочь.

Правда, бывали случаи, когда отец не терял надежду получить калым за дочь. Через неопределенное время молодые ехали к родителям невесты просить прощения. «Молодой приезжает «прощаться» к тестю с женой, родителями своими и дружкой, который и ведет переговоры, угощает хозяев вином. Тесть запрашивает большой калым, и дружка несколько раз бежит от него к молодым, которые до примирения остаются у кого-либо из знакомых, а при отсутствии знакомых в юртах невесты – на улице»³⁹¹. Обычно отец принимал подарки, ждал пока молодые просят у него прощения и благословлял их брак. За этим следовал праздник примирения. Бывали случаи, когда отец не желал прощать молодых.

В таком случае жених мог еще повторить попытку, если же тесть упорствовал, то попытки прекращались³⁹². Иногда девушку похищали помимо ее воли, обычно, она смирялась со своей участью. Однако, бывало, что девушка возвращалась в отцовский дом, не желая жить с похитителем³⁹³.

Основной целью брака «убегом» было избежать уплаты калыма. Часто это было из-за социально-экономического положения семьи жениха. Помимо нежелания выплачивать

³⁸⁸ Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов //Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 108 – 112.

³⁸⁹ Там же. С. 117.

³⁹⁰ Воронов А. Г. Юридические особенности остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии. // Зап. РГО по отделению этнографии, 1900. Т. 18. С. 11.

³⁹¹ Там же. С. 11–12.

³⁹² Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 76–77.

³⁹³ Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 120.

калым, были и другие факторы. К примеру, жених опасался, что девушку не выдадут за него из-за каких-то личных качеств: недостаточно красив, отдаленность его селения от юрт невесты и другие. Другое важное отличие этого брака от калымного в том, что здесь невеста знала за кого выходит замуж, и обычно это происходило с ее согласия в то время, как в браке с уплатой калыма мнение невесты не учитывалось³⁹⁴. Постепенно процесс похищения, погони и «прощения» вошел в ряд обрядов, такая совокупность стала обязательна для данного типа брака. На свадьбах у русских тоже часто встречается традиция похищения невесты, за которым следует выкуп. Другое дело, что в современности эта традиция носит скорее шуточный характер.

Другой тип брака, получивший широкое распространение у нарымских селькупов, это брак со свободным выбором партнера. Такой вид брака является, по мнению исследователей конца XIX в., ярким примером того, что селькупы имели тенденцию к обрусению. Так, к примеру, Б. Шостакович говорил, что у инородцев, живущих по Оби и ее притокам, можно встретить и корову, и возделанный огород³⁹⁵.

При свободном браке сватовство шло в два этапа. На первой стадии сам жених или же его дружки добиваются согласия невесты. Девушка обычно к этому моменту была знакома с женихом, но случалось, что она видела его впервые. Сразу невеста не соглашалась, а давала себя уговорить, иногда этот процесс затягивался на целый день. Если же невеста все-таки не дала положительный ответ, то дружки могли повторить попытку. Иногда, чтобы достигнуть результата, прибегали к помощи шамана, который с помощью магии пытался повлиять на невесту. Получив согласие невесты, переходили ко второму этапу сватовства. Невеста вместе со сватами шла в дом своих родителей. Там она поочередно подходила к отцу и матери, кланялась им в ноги, если родители при этом оставались на своих местах, это означало, что они благословляют брак. В случае их несогласия они отходили в сторону. Сваты сообщают жениху о результате. После этого устраивалось просватанье в доме невесты, на торжестве присутствовали родители, родственники и гости невесты, со стороны жениха были только родители.

После торжества невеста еще около двух недель жила в родительском доме, готовя себе приданное. После этого праздновался девичник, где невеста веселилась и танцевала с другими парнями. На следующий день свадьбу справляли в доме невесты, на праздник приглашались гости с обеих сторон. Расходы на свадьбу брала на себя сторона невесты, но нередко и родственники жениха помогали материально. Невесте полагалось быть грустной и плакать. При выходе за ворота отчего дома невесте расплетали косу, это символизировало

³⁹⁴ Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XXв.). Новосибирск, 1984. С. 78.

³⁹⁵ Шостакович Б. Промыслы Нарымского края. Омск, 1882, кн.4. С.8.

окончание незамужней жизни. «Утром следующего дня происходило венчание в церкви по христианскому обряду. Жених был одет по русской сельской моде: черный костюм, розовая рубаха, сапоги, невеста – в длинном голубом или розовом платье, с фатой и прикрепленными к ней бумажными цветами; обувь соответствовала времени года – ботинки летом или валенки зимой». Далее торжество проходило уже в доме мужа. Вечером молодые ложились спать в отдельном помещении, дружки охраняли их покой за дверьми. На утро сваха проверяла сохранила ли невеста невинность до свадьбы, убедившись в ее непорочности спешила сообщить это всем гостям. Невеста получала подарки со стороны своих родителей и со стороны родителей жениха. Свадебные празднества продолжались еще несколько дней, продолжительность зависела от материальных возможностей семьи³⁹⁶.

Такой тип брака был во многом сходен с браком русских. Это вполне объяснимо. Нельзя забывать, что нарымские селькупы и русские на XIX-XX вв. находились в постоянном контакте. Это связано с общей территорией проживания, нередкими брачными связями и рядом других факторов.

Шорцы. Приемлемым возрастом для вступления в брак считались 14-17 лет. В отдалённых улусах известны браки между 6-10 летними мальчиками-сиротами и 20-30 летними женщинами³⁹⁷. По свидетельству А. В. Адрианова, невесты бывали и 11-12 лет, физически совсем не отличающиеся от ребенка³⁹⁸.

Родственники строили для молодых юрту из девяти тонких березок, покрытых берестой. Жених должен был раздуть в юрте огонь с помощью огнива, а невеста должна одарить каждого строителя юрты медным колечком. Обычай раздувать огонь был важен тем, что по искрам предсказывали счастье³⁹⁹. Жених и невеста садились на скамью рядом с шалашом и кто-то из родственниц жениха должен был заплести невесте косы: при плетении правую косу приглаживали жирной костью, давая молодым съесть с нее по кусочку мяса, заплетая, левую косу обмазывали сметаной⁴⁰⁰. Жених с невестой должны в течение трех дней оставаться в юрте и принимать там гостей, а после этого они переезжают в свой дом⁴⁰¹.

³⁹⁶Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 122–125.

³⁹⁷ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: Примула, 2018. С. 432.

³⁹⁸ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 331.

³⁹⁹ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 207.

⁴⁰⁰ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: Примула, 2018. С. 433.

⁴⁰¹ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 207–208.

У шорцев существовал обычай умыкания невесты. Молодой человек предварительно получал платок от девушки в знак согласия. Затем появлялся вместе с друзьями, подавал невесте знак, после которого она выбиралась из юрты, садилась на лошадь к жениху. Парень сначала привозит невесту в дом своей матери, а после уже в свадебную березовую юрту⁴⁰².

В прошлом, вероятнее всего, брак у шорцев был матрилокальным: в процессе свадьбы четыре пира устраивали в доме невесты и жених после свадьбы переезжал туда⁴⁰³.

Шорцы в честь свадьбы устраивали специальный праздник, который назывался «байга». Самый большой праздник устраивали у свадебной юрты, четыре байги у родителей невесты. Первая байга – примирительная. Через пять-десять дней после умыкания невесты молодожены должны были в сопровождении родителей жениха посетить родителей невесты, чтобы примириться и договориться о размере калыма: богатые платили его сразу, бедные договаривались о сроках. Отец невесты выходил навстречу гостям с поднятой плетью. Большой калым – вещь опасная, если у нее умирал муж, то она оставалась на положении рабы в семье мужа, а заключить новый брак она сможет только в том случае, если новый жених сможет полностью компенсировать калым, заплаченный за вдову покойным мужем. Обычно шорцы заключали браки весной. Если свадьба состоялась до первого крика кукушки, то примирительная байга откладывалась до этого момента⁴⁰⁴. Вторая байга – табачная празднуется через месяц после свадьбы, на ней родственники жениха дарят родственникам невесты пачки табака. Третья байга – мясная, в этот день родителям невесты дарят корову, которую они должны принести в жертву. Четвертая байга очень похожа на третью, но здесь вместо коровы приводят лошадь⁴⁰⁵.

Существовал у шорцев и брак сватовством. Он состоял из самого сватовства и свадебного пира (байги). Сваты договариваются с родителями невесты насчет калыма, а свадьбу откладывают на 2 – 3 года. Сватовство могло длиться очень долго, первый приезд – *сура*. Сваты, чаще всего дядя жениха по матери, приезжают к отцу невесты переговорить. Сваты не сразу обозначают цель своего визита: могут поговорить о жеребятках, телятах, иногда благодарят за что-то. Всегда пьют араку. Сваты говорят: «просят сродниться с ними, чтобы дорога лесом не заросла»⁴⁰⁶. Второй приезд называется подавать ряд или время уговариваться о времени приезда для совещания о калыме. В этот приезд обязательно присутствие жениха, иначе сватов могли просто не впустить, обвинив в том, что сватовство

⁴⁰² Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 207–208.

⁴⁰³ Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 150.

⁴⁰⁴ Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. С. 208.

⁴⁰⁵ Там же. С. 208.

⁴⁰⁶ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 256.

проходит без согласия жениха. В третий приезд уговариваются насчет калыма. Здесь присутствуют родные, уговаривая отца невесты не брать дорого. В этот приезд дают задатки за невесту. Калым выплачивали постепенно. В приданное невесте давался абыл, литовка, серп, одежда, скот⁴⁰⁷. После сватовства невеста должна была выйти к жениху, пока обсуждали сроки выплаты и размер калыма. Косы невесте заплетали во время первого пира, затем следовала табачная и мясная байга⁴⁰⁸.

Существуют свидетельства о допустимости двоеженства у шорцев. А. В. Адрианов отмечал, что двоеженство не было частым явлением, но обыкновенным. Старшая жена жила в особой юрте и управляла домом, младшая жила в своей юрте и занималась ткачеством⁴⁰⁹.

Свадебная обрядность селькупов и шорцев имеет сходство. Однако, у шорцев наблюдается меньшее разнообразие в видах брака. Отличия существуют и в некоторой обрядности. Так, к примеру, шорцы на байге закладывают лошадей, у селькупов подобной традиции не существовало, так как в изучаемый период коневодство было развито слабо.

Погребальная обрядность. Из археологических данных мы знаем, что у селькупов существовали захоронения двух типов по горизонту погребения: захоронение в грунтовых могилах и укладывание покойника на поверхности земли с возведением насыпи над ним. Погребальная обрядность же в свою очередь делится на трупоположение и трупосожжение. Г. И. Пелих отмечает, говоря о захоронении селькупов, что этнографические и археологические данные могут быть противоречивы. Как доказательство она приводит тот факт, что известны случаи сочетания грунтового и наземного погребения: «Традиционные обычаи, связанные с данным типом захоронений, начинали действовать, как только селькупы убеждались в том, что человек умирает, и шаман ему помочь не может. Умиравшего стаскивали с нар на земляной пол. Человек должен был умирать на земле, чтобы «могильная душа» «чувствовала землю». Если же человек умирал почему-либо в других условиях, то его «могильная душа» (кэдо) могла остаться в этом мире, и покойник становился «еретником»⁴¹⁰. Кроме этого, иногда «могильная душа» могла не покинуть землю, а превратиться в духа-помощника шамана.

Изображение духов-помощников могли быть в виде металлических фигурок различной формы. Изображения бывали и зооморфные⁴¹¹. Шаманские костюмы часто

⁴⁰⁷ Там же. С. 257.

⁴⁰⁸ Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: Примула, 2018. С. 436.

⁴⁰⁹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 331.

⁴¹⁰ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.61.

⁴¹¹ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким-Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.187.

украшали лозами в таком виде. Семейные духи-лозы изображались в виде антропоморфных деревянных или металлических идолов, которые на момент XX в. имела почти каждая семья. Каждый мужчина имел собственного духа-хранителя. Его изготавливал и освящал шаман. Духа одевали в одежду, которую должна была сшить непорочная девушка. Далее она же должна была изготовить для него берестяную коробку, в которой он хранился, коробка, в свою очередь, находилась в чулане, в котором, кроме духа и его жертв, ничего не могло находиться. Ни один женатый мужчина, ни одна замужняя женщина не могли зайти в этот чулан. И если охотник нуждался в помощи духа, то он просил своего холостого родственника принести дары. На начало XIX в. считалось, что дарами являются все возможные ленты, шкурки пушных зверей, бусины и бисер, платки и суконные лоскутки. Со смертью человека, заканчивалась жизнь и лоза, дух-хранитель выбрасывался в реку⁴¹².

Г. И. Пелих от жителя юрт Варгананжино, что находятся на р. Тым, записан факт важности выполнения воли покойного. А. Ф. Пычкин говорил, что покойники под землей живут, но если не похоронить человека там, где он завещал, то он может вернуться и будет мстить обидчикам. По легенде такая ситуация была в районе Компаса, где находилось старинное селькупское кладбище⁴¹³.

Типичными традиционными элементами погребального обряда оказались устройство деревянной обкладки, покрытие и обёртывание покойного в бересту/ткань, захоронение на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Так, наземный способ погребения, по мнению Л. А. Чиндиной, был отличительной чертой обряда селькупов, а не тюрков, как считал А. П. Дульзон, тургайские же некрополи проявляли значительное сходство с погребальным обрядом кетов и тюрков⁴¹⁴. Относительно некрополей существует мнение, отчасти подтверждаемое и этнографическими источниками, о том, что до прихода русских местное население устраивало кладбища в недоступных местах, по берегам рек и стариц, в борах, куда труп покойного доставляли обязательно по реке. После контактов с русскими и под влиянием христианского обряда, могильники стали устраивать рядом с жилыми посёлками⁴¹⁵. По нашим данным, полученным в 2013 г. в ходе экспедиции «Сокровища реки Тым», известно, что в с. Неготка кладбище располагалось на берегу реки, и, когда в пятидесятые годы берег начал обваливаться, оттуда посыпались кости, черепа и развевались волосы, помимо этого местные дети часто находили здесь кусочки керамики⁴¹⁶.

⁴¹² Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким – Мелони А.А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов. Томск, 2004. С.187 – 188.

⁴¹³ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 334–335.

⁴¹⁴ Боброва А. И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С.20.

⁴¹⁵ Там же. С. 26.

⁴¹⁶ Полевой дневник экспедиции «Сокровища реки Тым» 2013.

А. И. Боброва дает такое определение погребально-поминальному обряду: это исторически сложившаяся система признаков, характеризующаяся устойчивым повторением комплекса групп элементов, объективно отражавшая некогда существовавшую реальность, связанную с традицией. Тип является подвижной и развивающейся системой, претерпевающей определённые изменения: одни её элементы со временем утрачивались или были трансформированы, другие были приобретены. Обособленность от других аналогичных систем осознавалась их создателями.

По комплексу групп элементов выделены четыре типа погребально-поминального обряда: чулымско-кетский, обской, обско-чулымский, тымский. Реально имевший место, каждый из них не сохранялся неизменным: некоторые элементы с течением времени были утрачены или оказались трансформированными, приобретались новые черты⁴¹⁷.

Р. А. Ураевым были опубликованы материалы экспедиции 1956 г., из них следует, что кладбища (кага) у тымских селькупов были общинные, с разделением внутри на семейные. Семейные погребения обычно расположены рядом. Покойника (кумба) одевали в ту одежду, что была на нем: чирки на ноги, платье (если женщина), шуба. Сверху зашивали в оленью кожу. Гроб не делали. Могилы копали неглубоко, не более одного метра. Покойника клали головой на восток, лицом вверх к солнцу. Из вещей часть клали сверху, часть – в могилу. Погребение охотника обязательно сопровождало ружье; котелок и пр. вещи намеренно портили, чтобы покойник знал, что он уже не на этом, а на том свете. Руки покойника завязывали на груди веревкой, ноги также связывали. Подобное действие можно встретить у христиан, поэтому можно предположить, что селькупы переняли этот обычай у русских.

Если покойник недоволен чем-то, то его душа ходит вокруг дома несколько дней. Это бывает, когда ему положили не все, что ему принадлежит. Покойник может вредить семье. Иногда даже взять одного из членов семьи с собой. Когда же человека хоронят, то над могилой пьют чай и умершего тоже угощают, говоря: «Последний раз чаю попьем вместе. Прощай. Что у тебя было из вещей, все положили, не обижай нас!». Г. И. Пелих от жительницы с. Напас М. Арнянгиной было записано, что первые поминки устраивали через 4 дня после похорон. С собой приносили на кладбище низкий деревянный столик, мясо и водку. Столик ставили рядом с могилой, раскладывали на нем мясо, наливали в кружку водку и ждали некоторое время, «пока он поест». Потом садились и ели сами. Покойнику все время наливали в кружку водку, наравне с живыми, и лили ее на могилу. Уходя,

⁴¹⁷ Боброва А. И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 36–40.

оставляли на могиле кружку с водкой и два куска мяса (один – на могиле, другой – рядом). Можно предположить, что данный элемент обряда селькупы заимствовали у русских. Известно, что коренные народы Сибири не употребляли водку до прихода русских. И потом их знакомство с этим напитком имело печальные последствия, многие спились и умерли. Если же говорить о моменте поминок на кладбище, то этот факт так же характерен для русскоязычного населения. Так, к примеру, в с. Каргасок (Томская область) на кладбище в оградках часто можно увидеть деревянные столы, где и происходят поминки на Родительский день или же во время похорон.

Вторые поминки устраивали через полтора месяца. Если кладбище было далеко от деревни, то поминки можно было справлять дома⁴¹⁸. Поминки справляют через год. Говорят, что через год дух приходит к покойнику. Чай греют и разговаривают с покойником: «Вот встретились мы с тобой опять, долго ты не был, теперь я от тебя ухожу совсем далеко».

Покойник может предсказать судьбу человека. Для этого надо в первую ночь после захоронения сходить на могилу покойника. Он тогда может из-под земли сказать, сколько лет ты будешь жить и какое у тебя будет счастье и т.д.⁴¹⁹.

Археологам известны случаи ярусного захоронения, специфическими признаками обряда являются подхоранивание в виде ярусов, сопогребение мужчины и собаки (взрослой особи), сопогребение женщины и водоплавающей птицы, погребение с «куклой» - итерма, присутствие захоронения с шаманским комплексом вещей, оставление металлических антропоморфных личин на одной из могил.⁴²⁰

Г. И. Пелих на р. Кеть был записан обряд захоронения шамана. Погребения такого вида имели название «кегел-марге». «Для этого выбирали крепкую толстоствольную лиственницу. Ее ствол слегка подпиливали сверху и внизу (по росту шамана) и откалывали тонкий внешний слой ствола. Старались как можно меньше повредить дерево, чтобы оно осталось живым. Выдалбливали часть сердцевины, ставили в дерево труп шамана, закрывали его отколотым ранее пластом и забивали гвоздями. Если дерево оставалось живым, то кора зарастала. И никто не мог даже догадаться, что в этом дереве стоит труп шамана (его ставили в полном шаманском облачении: парка, нагрудник, корона, пимы)»⁴²¹.

⁴¹⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С.62.

⁴¹⁹ Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов: (по данным экспедиции 1956 года) // Труды Томского государственного объединенного историко – архитектурного музея. Т. 7. Томск, 1994. С. 74–78.

⁴²⁰ Боброва А. И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. С. 49.

⁴²¹ Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, ТГУ, 1998. С.78.

Обычай захоронения в дереве встречается в культуре северных селькупов, где собственно дерево представляется как некий проводник между мирами. Так если новорожденный умирал до появления зубов, то его хоронили в стволе дерева. В одном случае ребенка хоронили в дупле дерева. «Простукивая топором дерева, находили такое, у которого намечалось образование дупла, т.е. внутри ствола уже была полость». В этом месте вырубалась часть ствола, туда помещали тело ребенка, завернутое в тряпки, тело помещалось в стоячем положении. Отверстие закрывалось вырубленной крышкой, которую прибавали к дереву, закрывая труп. На дерево вешали или оставляли рядом сломанную колыбельку и какие-то вещи умершего.

Другой вариант захоронения – это захоронение в пне, специально срубленного дерева. В пне вырубалось прямоугольное отверстие, туда помещался завернутый в ткань труп. Отверстие закрывалось досками и забивалось деревянными шпёнками или гвоздями. Сверху вбивался железный предмет и привязывалась ткань куски белой ткани. Кроме младенцев так хоронили и выкидышей, которые, по представлениям селькупов, потом становились лозами⁴²².

Помимо шаманских погребений, упоминаний захоронений на деревьях у южных селькупов нет.

Шорцы. Погребальный обряд шорцев претерпел изменения к началу XX в. под влиянием православия, кладбища у шорцев появились с приходом миссионеров и располагались обычно на горе за улусом⁴²³. Однако некоторые традиционные черты обрядности сохранились.

Шорцы считали, что после смерти душа продолжает свой путь в потустороннем мире, но уже в других ипостасях: *тын* – жизненность, духовное свойство, которое присуще человеку, животным, птицам, растениям, камням; *кут* – жизненная сила человека, олицетворяет здоровье человека, постоянно подвергается опасности, способна отделиться от человека во время сна, испуга, обморока; *сюне* – духовная субстанция, которая появляется после физической смерти человек, отделяется от тела и бродит по местам, где любил бывать человек при жизни, изгоняется из дома на седьмой день после смерти; *узют* – душа умершего (и название злого духа), в течение года находится в мире живых, провожают ее дважды: на сороковой день и через год после смерти⁴²⁴.

⁴²²Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 133–135.

⁴²³ Кимеев В. М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга II. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 120.

⁴²⁴ Кимеев В. М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга II. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 118.

Родственники, когда убедились в физической смерти человека, должны были убрать из-под головы умершего подушку, чтобы помочь *тын* покинуть тело. Затем в очаге зажигали огонь, в изголовье на лавку ставили напиток и еду для *сюне*. В течение трех дней возле покойника сидели родственники, вспоминая и восхваляя умершего. Затем тело обмывали, переодевали в чистую одежду, перекладывали в гроб, предварительно постелив на дно гроба траву⁴²⁵.

Наиболее древним способом погребения шорцев, бытовавшим вплоть до конца XIX в. у взрослых и до первой четверти XX в. у детей, являлось захоронение следующим способом: покойника заворачивали в бересту и подвешивали на дерево⁴²⁶.

В XIX–XX вв. наибольшее распространение получили захоронения в земле, на такой могиле оставляли сломанные нарты⁴²⁷. «Через день или два после смерти, покойника, обмытого и одетого в его лучшую одежду, кладут в гроб»⁴²⁸. Гроб шорцы выдалбливали в виде колоды из расколотого на две части ствола⁴²⁹. В гроб клали чашку, ложку, мешочек с талканом, мужчинам еще и трубку с кисетом⁴³⁰.

Существовали и наземные погребения. В таком случае, на поверхности земли делали сруб, в который клали покойника, а сверху накрывали берестой. Шамана совершал камлание и ставил в сруб чашку с едой⁴³¹.

Шаманов хоронили в лесу и на ближайшее к месту погребения дерево вешали бубен⁴³². В древности шаманов хоронили лицом вниз в заколоченном сосновом гробу, который оставляли в лесу, завалив ветками⁴³³.

Если умирал ребенок, то его заворачивали в белую тряпку (в черную заворачивать тело ребенка было нельзя, так как ему будет темно после смерти), клали в колыбель. Колыбель привязывали волосяными или конопляными веревками к дереву. Там, где обычай захоронения на деревьях не сохранился, детей хоронят в земле, но на дерево над

⁴²⁵ Кимеев В. М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга II. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 119-120.

⁴²⁶ Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 516.

⁴²⁷ Там же. С. 516.

⁴²⁸ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 332.

⁴²⁹ Там же. С. 332.

⁴³⁰ Кимеев В. М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга II. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 120.

⁴³¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 332.

⁴³² Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 516.

⁴³³ Кимеев В. М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга II. СПб.: МАЭ РАН. 2009. С. 120.

погребением обязательно подвешивали колыбель. Часто семья, потерявшая ребенка, переселялась на другое место⁴³⁴.

У шорцев, проживающих на Кондоме, на шестой день после смерти съезжаются родные и знакомые привозят арак в туясе и еду⁴³⁵. Проживающие на Пызасе шорцы справляют поминки на седьмой день, разницу во времени А. В. Адрианов объясняет возможностью получения неточной информации от информатора⁴³⁶. Поминки проходят следующим образом: каждый из своего туяса отчерпывает по одной чашки арака и сливают его в общий туяс, так же поступают и с едой, затем вместе с едой и питьем отправляются на могилу, первым всегда идет шаман, который садится в ногам покойника и начинает камлать. Араком обрызгивают могилу, кормят им огонь, так же поступают и с пищей, остатки еды и питья оставляют на могиле покойного. После этого присутствующие поминают покойного остатками еды и арака, затем возвращаются в юрту и продолжают поминки⁴³⁷. На сороковой день поминки повторялись.

Последний раз поминки шорцы проводили через год после смерти, тогда *узют* навсегда покидала мир живых. Шаман проводил особое камлание, которое называлось «хорошить узюта» или «кочевание души». Шаман ночью должен был отправить душу вниз по реке на плоту из стеблей борщевика с веслами, на плоту был разведен небольшой костер. Шаман в процессе камлания угощал *узют* аракой и мясом, заманивал душу на плот, кладя туда листья табака. Если шаман явится без арака, то *узюты* могут напасть на него, после чего человек заболевает. Шаман также может перевезти *узют* на лодке, грести при этом шаман должен озупом или топором (вероятно, в зависимости от того, какого пола был покойник если женщина, то в качестве весла использовался озуп, если мужчина – топор). По возвращении шаман должен выбросить топор или озуп по направлению к западу⁴³⁸.

В погребальной обрядности шорцев и селькупов наблюдаются некоторые сходства. Так, к примеру, оба народа особо выделяют погребения шаманов и детей. И у шорцев, и у селькупов существует погребения на деревьях. Сходства есть и в поминальном обряде. Однако, такие сходства не являются исключительной чертой изучаемых этносов, скорее всего, это характерная черта большинства сибирских инородцев.

Мы считаем неуместным делать выводы об общем происхождении на основании сравнения традиционной обрядности. Сходства, безусловно, существуют, однако если

⁴³⁴ Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 247.

⁴³⁵ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. Санкт-Петербург, 1888. Т. 11. С. 332.

⁴³⁶ Там же. С. 333.

⁴³⁷ Там же. С. 332.

⁴³⁸ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. С. 333-335.

обратиться к этнографической литературе и найти информацию о семейной обрядности соседствующих народов, то и там можно будет легко обнаружить сходные черты, которые нельзя принимать за доказательство родства. Этот факт является доказательством, что семейная обрядность не может служить достоверным маркером для установления этнического субстрата.

Заключение

Селькупы и шорцы в изучаемый период проживали на соседствующих территориях. Возможно, это было одним из оснований для возникновения гипотезы южного происхождения селькупов. Традиционно считается, что автором гипотезы является М. А. Кастрен, однако существуют сведения, что она возникла ранее. Тем не менее доподлинно известно, что в XIX в. проблема определения происхождения селькупов уже стояла перед этнографическим научным сообществом. Происхождение шорцев также занимает умы ученых с давних пор. В XIX в. В. В. Радлов выделил шорцев в отдельную группу, чем породил множественные споры.

В первой главе настоящей работы были рассмотрены существующие на сегодняшний день этногенетические гипотезы. Относительно происхождения селькупов мнения исследователей расходятся: первые считают, что самодийцы пришли с предгорий Алтая, вторые склонны считать селькупов автохтонным этносом. Происхождение шорцев также неоднозначно: исследователями были сформулированы гипотезы о самодийском, угорском, енисейском происхождении народа, позже подвергнувшегося тюркизации.

Вторая глава посвящена сравнительному анализу некоторых элементов материальной культуры и хозяйственной деятельности нарымских селькупов и шорцев. Нами были выделены маркеры, по которым проводилось сравнение. В хозяйственной деятельности – это рыболовный, охотничий инвентарь, объекты рыболовства, охоты, собирательства, в материальной культуре – жилище, пища, национальный костюм. Проведенный сравнительный анализ показал следующие результаты:

1. Рыболовство играло немалую роль в хозяйственной жизни шорцев, однако, видно, что для шорцев оно не имело такое большое значение, как для селькупов. Большинство рыболовных снастей у обоих народов совпадают, закономерно, что у селькупов наблюдается большее разнообразие в инвентаре. Для южных селькупов рыболовство было ведущей отраслью хозяйственной деятельности, этим и объясняется вышеупомянутый факт. Для большинства тюркских народов рыбная ловля не входила в приоритетную отрасль хозяйственных занятий, так многие тюрки, прожив всю жизнь у реки, не употребляли в пищу рыбу. Так для нарымских селькупов рыболовство имело промышленное значение, а большая часть шорцев добывало рыбу исключительно для собственного употребления. Наличие активного рыболовства у шорцев, может быть, обусловлено этногенетической памятью о самодийском прошлом. Возможно, совпадение в рыболовных снаряжениях обусловлены самодийским компонентом, присутствующим и у северных алтайцев.

2. Основной охотничий инвентарь у изучаемых народов практически полностью совпадает. Необходимо отметить, что подобные инструменты для охоты характерны для всей территории Сибири, а не являются исключительно характерной чертой изучаемых народов. Это связано с тем, что объектами охоты, в большинстве своем, выступали одни и те же животные. Охоту на пушного зверька представители обоих народов вели с целью получения меха либо для изготовления одежды, либо на продажу. На копытных животных охотились для добычи мяса. Таким образом, несмотря на некоторые различия, сходства преобладают. Этот факт может говорить о наличии самодийского субстрата у шорцев.

3. Собирательство играло значительную роль в хозяйствовании обоих народов, в объектах собирательства присутствуют как сходства, так и различия. Однако мы полагаем, что этот факт не может считаться достоверным свидетельством общего прошлого изучаемых народов. И сходства, и различия объясняются природно-географическими условиями: к примеру, добыча кедрового ореха характерна для селькупов и шорцев, как и для большинства других сибирских народов, а отсутствие корней пионов в собирательстве селькупов объясняется тем, что пионы просто не росли в условиях Нарымского края. Ни один из перечисленных фактов, конечно, не может служить доказательством или опровержением наличия самодийского субстрата. Этот маркер для сравнения оказался не очень удачным.

4. Именно в сравнении жилищ определение этнического субстрата представляет наибольшую сложность, т.к. здесь в большей мере просматривается влияние природно-географических условий. Наиболее интересным сходством, выявленным при сравнении жилищ, представляется наличие у обоих народов промысловых построек «балаганов» и полуземлянок «карамо». Бытования «балагана», как временного промыслового жилища у нарымских селькупов представляется странным, в силу сурового климата местности и ненадежности такого сооружения в защите от ветра и холода. Полуземлянка, как промысловое жилище, хорошо известна на территории Нарымского края, в ходе работы было выяснено, что такое жилище существовало и у шорцев. Мы не встречали описания подобных жилых построек у тюркских народов, и склоняемся к мнению, что это может быть характерной особенностью именно самодийцев, а значит может подтвердить самодийское происхождение шорцев.

5. Сравнительный анализ национальной кухни показал, что существуют значительные сходства. Интересным представляется наличие такого нехарактерного для тюркских народов продукта, как рыбная мука. В изучаемый период большое влияние на шорцев оказывала тюркская культура, в которой не предусмотрено использование рыбной

пищи. Таким образом, выявленная особенность служит доказательством сохранения шорцами самодийских традиций.

6. В традиционной одежде изучаемых этносов были выявлены сходства, которые могут свидетельствовать об общем происхождении этих народов. Первое, это шуба из сборного меха, нехарактерная для селькупов, живущих в суровых климатических условиях, однако бытовавшая на территории Нарымского края еще в начале XX в.. Подобная технология изготовления одежды известна на территории Горного Алтая, но в более ранний период. Такой факт является существенным аргументом против автохтонности селькупского этноса. Однако, и у шорцев подобной технологии изготовления одежды выявлено не было. Второе – это наличие у южных селькупов распашного халата (кваймы) не характерного ни для северной группы селькупов, ни для соседей, проживающих в Нарымском крае. Зато такая одежда известна у шорцев (халат «кендыр»), вероятнее всего, это может служить подтверждением гипотезы южного происхождения самодийцев.

В третьей главе настоящей работы была рассмотрена духовная культура нарымских селькупов и шорцев. Здесь в качестве маркеров для сравнения выступают мифологические представления и традиционная обрядность. Проведенное сравнение дало следующие результаты.

1. В мифологических представлениях прослеживаются определенные сходства. Выявлены одинаковые черты в отношениях народов с огнем, отмечена общность продуктов, используемых для кормления, у обоих народов огонь имеет женское начало – мать огня. Интересно, что и селькупы, и шорцы отдают дань Хозяйке леса, культ которой представлен в легендах и мифах шире, чем культ Хозяина леса. Основные элементы медвежьего праздника у селькупов и шорцев практически идентичны. Однако, в ходе проведения сравнительного исследования мифологических сюжетов подтвердилась точка зрения А. М. Сагалаева о том, что выявленные сходства далеко не всегда могут свидетельствовать о родстве народов. Так, обратившись к этнографической литературе по мифологии других сибирских этносов, выяснили, что выявленные сюжеты наблюдаются у многих соседствующих народов. Духовная культура шорцев более схожа с культурой северных и южных алтайцев, хакасов и др. Таким образом, мы считаем, что мифология не может считаться хорошим маркером для решения вопроса этногенетического родства.

2. Мы считаем неуместным делать выводы об общем происхождении на основании традиционной обрядности. Сходства, безусловно, существуют, однако если обратиться к сравнения этнографической литературе и найти информацию о семейной обрядности соседствующих народов, то и там можно будет легко обнаружить сходные черты, которые нельзя принимать за доказательство родства. Этот факт является доказательством, что

семейная обрядность не может служить достоверным маркером для установления этнического субстрата.

Вернемся к цели работы. Целью работы является выявление в культуре селькупов и шорцев сходных элементов, обусловленных возможными древними этногенетическими связями. Сравнительный анализ проведен, сходные элементы выявлены.

Приступая к работе над темой, мы сформулировали гипотезу о общем происхождении нарымских селькупов и шорцев.

Подводя итог работе необходимо отметить, что сравнение аспектов материальной культуры оказалось более результативным, чем духовной. Духовная культура более подвержена влиянию человеческого фактора, поэтому мифологические сюжеты, вероятнее всего, претерпели изменения. Какие-то элементы обрядности людям свойственно заимствовать у других народов. В материальной же культуре лучше прослеживаются архаичные черты. В северных районах Томской области население до сих пор использует те же рыболовные, охотничьи снасти, готовят еду в соответствии с древними рецептами.

На наш взгляд, сегодня нельзя утверждать, что данная работа решила вопрос о происхождении селькупов и шорцев. Гипотезу также не следует считать полностью доказанной. Однако проведенная работа, безусловно, может послужить основанием для дальнейших более глубоких исследований, которые, возможно, смогут поставить точку в многолетнем споре.

Список использованных источников и литературы

Вещественные источники

1. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2120.
2. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 2129.
3. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 5954-80.
4. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6150.
5. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 6154.
6. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии № 7057-46.
7. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, коллекция № 5979.
8. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, коллекция № 6024.
9. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, коллекция № 6025.

Путевые заметки

10. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки по общей географии ИРГО. – Санкт-Петербург, 1888. – Т. 11. – С. 291–338.
11. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей .Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских – СПб., 1799. – 178 с.
12. Доннер К. У самоедов в Сибири / пер. с нем. А.В. Байдак. – Томск: «Ветер», 2008. – 176 с.
13. Кастрен А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849) / Под ред. С.Г. Пархимовича. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
14. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–844, 1845–1849 гг.) // Магазин землеведения и путешествий. Собрание старых и новых путешествий. Географический сборник Николая Фролова – М., 1860. – Т.6. – Ч. 2. – 495 с.
15. Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIIIв. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Подготовка к изданию: А. Х. Элерт. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – С. 172–186.
16. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А.Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.
17. Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану/ пер. Н. А. Кострова. – Томск: Типогр. Губерн. Правления, 1881. – 95 с.
18. Радлов В. В. Из Сибири. – М.: Наука, 1989. – 718 с.

Отчеты и записки миссионеров

19. Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алт. миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / под ред. А. А. Ивановского. – Горно-Алтайск, 1893. – 270 с.
20. Вербицкий В. Алтайцы // Томские губернские ведомости. Томск, 1969. – №31. – С. 8–9.
21. Вербицкий В.И. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии // Том. епарх. ведомости. 1888. – С. 19–22.

Статистические данные

22. Нагнибеда В. Я. Нарымский край. Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеды (с приложением карты и фотографических снимков). – Томск, 1927. – 640 с.
23. Орлова Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). – Т. 1. Вып. 4. – Красноярск, 1928. – 55 с.
24. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (по переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – СПб., 1911. – 432 с.
25. Плотников А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): историко-статистический очерк / сост. А. Ф. Плотников. – Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киршбаума, 1901. – 366 с.
26. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – Санкт-Петербург: Издание И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

Документальные источники

27. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Сборник документов и материалов. – Томск: Государственный архив Томской области, 2006. – 446 с.

Изобразительные источники

28. Каталог этнографических фотографий И. С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев. – Томск, 2004. – 106 с.

29. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб, 1882.

Каталоги музейных коллекций

30. Селькупская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея: каталог / авт.-сост. А. А. Пихновская. – Томск: Ветер, 2007. – 279 с.

31. Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 1. Таежные промыслы и средства передвижения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – 216 с.

32. Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 3. Предметы быта / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – 232 с.

33. Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 4. Одежда и украшения / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – 169 с.

34. Шорцы: каталог этнографических коллекций музеев России. Ч. 5. Духовная культура / Кемеровский гос. ун-т. Ин-т археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. В. М. Кимеев. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1999. – 135 с.

Архивные материалы

35. МАЭС ТГУ, архив, дело №112.

Фольклорные материалы

36. Мифология селькупов / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, А. А. Ким-Малони [и др.]; под ред. В. В. Напольских. – Томск, 2004. – 382 с.

37. Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 1998. – 79 с.

38. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 448 с.

39. Девять бубнов шамана: шорские легенды и предания / сост. А. И. Чудояков. – Кемерово: Книжное изд-во, 1989. – 142 с.

Литература

40. Аксянова Г. А., Васильев В. И. Общие сведения [селькупы] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. /отв. ред. И.Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – С. 304–311.

41. Алексеев В. П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1965. Вып. XI. – С. 86–100.
42. Алексеев В. П. Историческая антропология. – М.: Высш. школа, 1979. – 217 с.
43. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири – Новосибирск, 1980. – 315 с.
44. Арбачакова Л. Н., Октябрьская И. В. Образ пира в шорском героическом эпосе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2014. – Т. 20. – С. 327–329.
45. Арзютов Д. В. Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность // Вестник СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2007. – сер.2, вып.1. – С. 240–246.
46. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина: журн. Мин. нар. просвещ. – СПб., 1897. Вып. III – IV. – С. 277–456.
47. Аткунова Д. А. Национальное возрождение коренных малочисленных народов Северного Алтая (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук/ Д.А. Аткунова – Томск, 2017. – 21 с.
48. Бельгибаев Е. А. Традиционное рыболовство таежных групп Алтая / Е. А. Бельгибаев, И. И. Назаров // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып. №10. – С. 164–171.
49. Березовская Н. В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеровский Бор III // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос.ун-та, 1992. – С. 27-35.
50. Березовская Н. В. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология) / Н. В. Березовская, В. Г. Волков, Н. А. Тучкова // Вестник ТГУ. История. – Томск, 2018. – Вып. 54. – С. 128–138.
51. Боброва А. И. К вопросу об участии российских переселенцев в сложении Нарымских селькупов в конце XVIII – первой половине XIX вв. / А. И. Боброва, А. А. Воробьев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. №5. – С.163–171.
52. Боброва А. И. Нарымское Приобье в эпоху развитого и позднего средневековья (археологический очерк по материалам погребальных памятников) // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). – Томск, 2016. – С. 7–117.

53. Боброва А. И. Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально-поминального обряда. Типология обряда // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994. – С. 301–321.
54. Боброва А. И. Проблемы хронологии, культурной и этнической принадлежности памятников II тысячелетия Нарымского Приобья // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 254–256.
55. Боброва А.И. Селькупы XVIII – XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2007. – 176 с.
56. Богораз В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. МАЭ, 1927. – Т. VI. – С. 37–62.
57. Бодрова А. Ш. Традиционный костюм южных (нарымских) селькупов в XIX–XX вв. // В мире научных открытий, 2008. – С. 1585–1598.
58. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – 393 с.
59. Васильев В. И. К проблеме этногенеза самодийских народов // Социальная организация в культуре народов Севера. – М., 1974. – С. 133–175.
60. Васильев В. И. Основные этапы этнической истории [селькупов] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. /отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – С. 311–316.
61. Волков В. Г. Генофонд южных селькупов в контексте исторических и археологических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2015. – Вып. 4 (10). – С. 109–122.
62. Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2013. – Вып. 1 (1). – С. 79–97.
63. Вы нас даже не представляете [Электронный ресурс] // Селькупы: сохранить как. Большой проект о малом народе. – Томск, 2018. – URL: <https://selkup.space/> (дата обращения: 20.01. 2021).
64. Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1980. – С. 86–139.
65. Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1984. – 155 с.
66. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1993. – 203 с.

67. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
68. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
69. Головнев А. В. Культура селькупов. Хозяйство / А. В. Головнев, Н. А. Тучкова // Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск: Изд-во ТПУ, 2013. – С. 64–95.
70. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. – Кемерово: Примула, 2018. – 600 с.
71. Донкова Л. Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. – Улан – Удэ, 2006. – 35 с.
72. Дочевский И. И. Охота в Томской губернии // Научные очерки Томского края. – Томск, 1898. – С. 1–33.
73. Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Географические названия. Вопросы географии. – Т. 52. – М., 1962. – С. 68–78.
74. Дульзон А. П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 361–371.
75. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. Записки ТГПИ. – Томск, 1950. – Т. VI. – С. 175–187.
76. Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов – М., 1960. – С. 289–296.
77. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор – Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 448 с.
78. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.
79. Зыкин А. В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 2. – №. 1. – С. 7–11.
80. Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л., 1961. С. 72–375.
81. Итс Р. Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 167 с.
82. Ким А. Р. Материалы по краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 180–195.

83. Ким А. А. О традиционной пище нарымских селькупов / А. А. Ким, Д. А. Кудряшева // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности – Томск, 1998. – С. 186–190.
84. Кимеев В. М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга II. СПб.: МАЭ РАН. – 2009. – С. 117–121.
85. Кимеев В. М. Традиционные черты погребального обряда шорцев бассейна реки Мрасс // Молодые ученые и специалисты Кузбасса в 10 пятилетке: тез. докл. предстоящей науч.-практич. конф. – Кемерово, 1981. – С. 150–155.
86. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки: монография – Кемерово, 2016. – 254 с.
87. Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. – Кемерово: Примула, 2018. – 600 с.
88. Кимеев В. М. Религиозные верования шорцев // Кузнецкая старина: историко-краеведческий сб. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2005. – Вып. 7. – С. 108–126.
89. Кимеев В. М. Традиционные ремесла шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т. 1. – №. 4 (56). – С. 27–32.
90. Кимеев В. М. Шорцы. Духовная культура // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 300–313.
91. Кимеев В. М. Шорцы. Основные хозяйственные занятия // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 250–273.
92. Кимеев В. М., Придчин А. В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. – Томск, 1991. – С. 16–30.
93. Кимеев В.М. Шорцы. Формирование родового состава // Тюркские народы Сибири /отв.ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; ИЭиА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ИАЭ СО РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 245–250.
94. Кимеева Т. И. Орудия охотничьего промысла шорцев [Текст] / Т. И. Кимеева // Шорский сб.: межвузовский сб. науч. трудов. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – Вып. 2. – С. 180–198.
95. Ковылин С. В., Сайнакова Н. В. О специфике среднеобского диалекта и выявлении границ расселения диалектно-локальной группы шёшкумов/шёшкупов по данным топонимики // Урало-алтайские исследования, 2017. – №. 1. – С. 19–33.

96. Костров Н. А. Женщина у инородцев Томской губернии // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – Т.1. – Вып. II. – СПб, 1875. – С. 1–43.
97. Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки ХакНИИИЯЛИ. – Вып. 7. – Абакан, 1959. – С. 70–93.
98. Кыржинаков А. А. Традиционные промысловые жилища у тюркских народов Саяно-Алтая // Мир Большого Алтая. – 2019. – №. 5 (3). – С. 373–389.
99. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры у хантов. Восточная группа. – Томск, 1985. – 362 с.
100. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирское отделение издательства "Наука", 1989. – 243 с.
101. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирское отделение издательства "Наука", 1988. – 225 с.
102. Малолетко А. М. Самодийцы в Алтае-Саянском регионе (по данным ономастики) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2015. – Вып.9. – С. 32–36.
103. Мананникова А. Г. Мифы Горной Шории // EdCrunch Томск. Материалы международной конференции по новым образовательным технологиям. – Томск, 2019. – С. 350–355.
104. Могильников В. А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы. – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 65.
105. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) /. Молодин В. И., Воевода Т. А., Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып.1).
106. Пелих Г. И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края – М., 1962. – Т. IV. – С. 176–196.
107. Пелих Г. И. Происхождение и история селькупов: автореф. дис...д-ра ист. наук. – Томск, 1972. – 40 с.
108. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Томского унив-та, 1972. – 424 с.
109. Пелих Г. И. Селькупская мифология. – Томск, 1998. – 79 с.

110. Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 176 с.
111. Пелих Г. И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края – Томск, 1955. – Т. 14. – С. 225.
112. Поддубиков В. В., Мишов Н. А., Насонов А. А. Шорский горно-таежный культурный комплекс // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. – С. 40–95.
113. Полевой дневник экспедиции «Сокровища реки Тым» 2013 г.
114. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991. – 320 с.
115. Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – №2. – С. 145–160.
116. Потапов Л. П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – №. 3. – С. 86–96.
117. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 442 с.
118. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 260 с.
119. Потапов Л. П. Шорцы // Народы Сибири. – М.; Л., 1956. – С. 492–538.
120. Потапов Л. П. Шорцы на пути социалистического развития // Советская этнография. 1950. – № 3. – С. 123–136.
121. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов / Е. Д. Прокофьева // Труды Института этнографии. – Москва; Ленинград, 1952. – Т.23. – С. 88–107.
122. Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. – М. - Л., 1949. – Т. 11. – С. 335–375.
123. Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. – М., 1956. – С. 605–687.
124. Прыткова Н. Ф. Головные уборы // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 329–369.
125. Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 227–328.
126. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
127. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.

128. Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирское отделение издательства "Наука", 1990. – 209 с.
129. Сайнакова Н. В. Новые материалы по этнографии и микроистории территории юрт Иванкиных на Оби // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. – Вып. 2 (155). – С. 107–115.
130. Сайнакова Н. В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук/ Н. В. Сайнакова – Томск, 2018. – 22 с.
131. Сайнакова Н. В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук/ Н. В. Сайнакова – Томск, 2018. – 270 с.
132. Сидорова Т. А. Этнокультурная ситуация бассейна реки Тым XIX – первой трети XX веков. Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Сб. мат-лов XIII Всерос. научн. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 24–26 апреля 2017 г.). Выпуск 13 Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – С. 272–278
133. Соколова З. П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – С. 89–117.
134. Степанова О. Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда. Этнографические очерки. – СПб., 2007. – С. 182–197.
135. Степанова О. Б. Традиционный селькупский пояс: происхождение, изготовление, символика, применение // Этническая культура. 2020. – №. 2. – С. 52–57.
136. Тадина Н. А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия АГУ. Сер. «История». – Барнаул, 2008. – Вып. № 4/2 (60). – С. 178–184.
137. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. "Тюрки по языку, финно-угры по облику": об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск, 2013. – Вып. № 3 (130). – С. 23–27.
138. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник / ред. И. И. Назаров. Барнаул: Изд-во Азбука, 2009. – 353 с.
139. Тучков А. Г. Нарымские (среднеобские) селькупы: этнографический очерк // Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.): монография / А. И. Боброва, М. П. Рыкун, А. Г. Тучков, И. В. Чернова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2016. – С. 165–205.

140. Тучкова Н. А. Культура селькупов. Одежда // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск, 2013. – С.167–192.
141. Тучкова Н. А. Культура селькупов. Пища и домашняя утварь // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск: Изд-во ТПУ, 2013. – С. 162–163.
142. Тучкова Н. А. Культура селькупов. Поселения и жилища // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск, 2013. – С.117–153.
143. Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп / Н. А. Тучкова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. – 224 с.
144. Тучкова Н. А. Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография / Н. А. Тучкова, С. В. Глушков, Е. Ю. Кошелева, А. В. Головнев, А. В. Байдак, Н. П. Максимова. – Томск, Изд-во ТПУ, 2013. – 318 с.
145. Тучкова Н. А. Топонимические модели в названиях селькупских поселений// Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Томск, 2013. – Вып. 1 (1). – С. 97–117.
146. Тучкова Н. А. Традиционное мировоззрение, религиозно-мифологические представления селькупов. Южные селькупы // Мифология селькупов. – Томск, 2004. – С. 70–78.
147. Тучкова Н. А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. – Тобольск; Омск, 2002. – С. 321–327.
148. Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных: дис. ... д-ра ист. наук/ Н.А. Тучкова. – Томск, 2018. – 634 с.
149. Тучкова Н. А. Этногенез селькупов с лингвистических и этноисторических позиций// Вестник ТГУ. История. – Томск, 2018. – Вып. 53. – С. 153-156.
150. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Функ Д. А., Томилов Н. А.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал ин-та археологии и этнографии со РАН – М.: Наука, 2006. – 678 с. – (народы и культуры)
151. Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов: (по данным экспедиции 1956 года) // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Т. 7. – Томск, 1994. – С. 73–86.
152. Уртегешев Н. С. Шор чон-қалығының кептери, умнары (Шорский национальный костюм, орнамент) – Абакан: Новосибирский региональный Общественный Фонд сохранения культуры хакасов «Ал Хоорай», 2020. – 68 с.

153. Фоминых С. Ф., Афанасенков В. О. А. К Иванов (1886–1937) – географ, археолог и этнограф // Вестник Томского государственного университета. 2016. – № 402. – С. 141–147.
154. Хлопина И. Д. Горная Шория и шорцы // Этнографическое обозрение. – 1992. – №. 1. – С. 107–118.
155. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. – Вып. 4 – 72 (2). – М.: Наука, 1971. – 120 с.
156. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Материалы и исследования по археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. - Вып. № 58. – С. 136–245.
157. Чернецов В. Н., Мошинская В. И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М.: Изд-во АН ССР, 1954. – С. 165–192.
158. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 184 с.
159. Чиндина Л. А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – С. 183–184.
160. Чиндина Л. А. У истоков истории селькупов // Северная книга. – Томск, 1993. – С. 47–50.
161. Шайдуров А. В. Тюркский этногенетический миф в культурной памяти шорцев // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – С. 236–238.
162. Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Труды Томского краевого музея. – Томск: Изд-во Томского краевого музея, 1927. Т. 1. – С. 139–167.
163. Шерстова Л. И. Самодийские этнонимы в социальной структуре и этногенезе народов Северного Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. научн. конф. – Барнаул: БГПУ, 2008. – Вып. 7. – С. 45–48.
164. Шерстова Л. И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник ТГУ. – Томск, 2015. – Вып. № 395. – С. 142–146.
165. Экспедиция ТВ 2. Маннани Пиледэ – родная деревня [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. – Томск, 2018. – URL: <http://tv2.today/Istorii/Manani-pelede--rodnaaya-derevnya> (дата обращения: 13.01. 2021).

166. Экспедиция ТВ 2. Тадар-кижи или шорский человек [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. URL: <https://tv2.today/Istorii/Tadar-kizhi-ili-shorskiy-chelovek> (дата обращения: 15. 04. 2021).
167. Экспедиция ТВ 2. Хочешь быть челканцем – в суд! [Электронный ресурс] // Агентство новостей ТВ 2. – Томск, 2018. – URL: <http://tv2.today/Istorii/Hochesh-byt-chelkancem--v-sud> (дата обращения: 6.03. 2018).
168. Эрдниев У. Э. Городище «Маяк». – Кемерово, 1960. – 68 с.
169. Ярхо А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. – Абакан, 1947. – 147 с.

Приложение А Карта расселения южных селькупов, северных алтайцев и шорцев в XIX–первой трети XX вв.

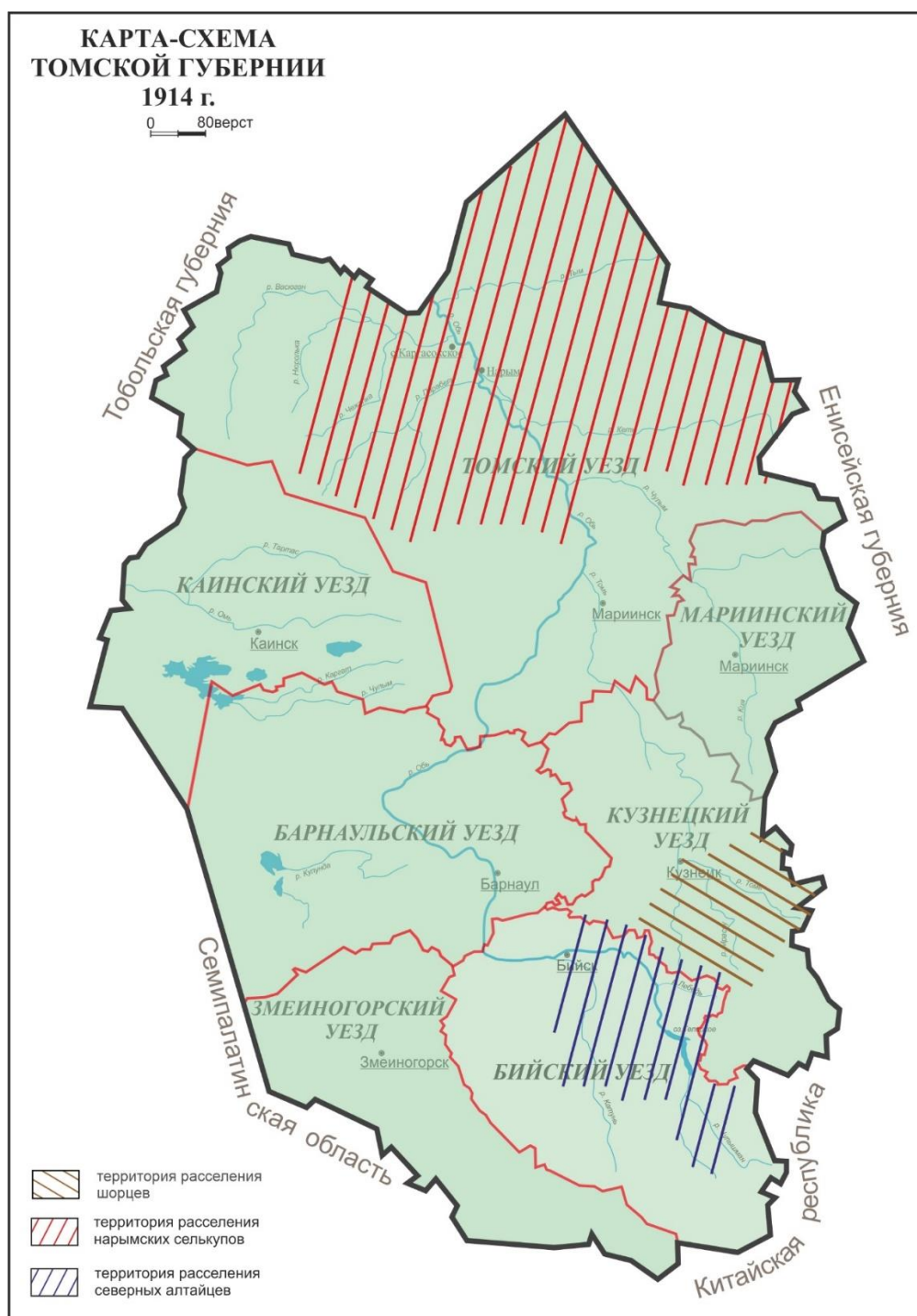

Рис. 1 – Карта расселения южных селькупов, северных алтайцев и шорцев в XIX–первой трети XX вв.

Рис. 2 – Промысловый стан, устье протоки Муз. Полевые материалы автора 2013 год.

Рис. 3 – Промысловая избушка (карамо). Устье протоки Муз. Полевые материалы автора 2013 год.

Рис. 4 – Игла для вязания сетей. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-57.

Рис. 5 – Станок для вязания сетей. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-53.

Рис. 6 – Мерка для ячеек сети. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 7057-46.

Рис. 7 – Часть черкана. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 2129.

Рис. 8 – Лук клееный. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 2120.

Рис. 9 – Черкан. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-13.

Рис. 10 – Шергай – деревянная ловушка. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-104.

Рис. 11 – Шергай – деревянная ловушка. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6154.

Рис. 12 – Кольцо для крепления нарт. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-39.

Рис. 13 – Кольцо для крепления нарт. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-56.

Рис. 14 – Валик для шелушения шишек. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-47.

Рис. 15 – Сито для просеивания кедрового ореха. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-48.

Рис. 16 – Моток кендырных нитей. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-76.

Рис. 17 – Чайлык – женский халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-1.

Рис. 18 – Кендырь – женский халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-3.

Рис. 19 – Шабр – женский халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-6.

Рис. 20 – Кендырь— женский халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-8.

Рис. 21 – Шабур— мужской халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-2.

Рис. 22 – Шабур – мужской халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-7.

Рис. 23 – Кендырь – мужской халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-9.

Рис. 24 – Шабур – мужской халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-11.

Рис. 25 – Шабур – мужской халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-12.

Рис. 26 – Шабр – мужской халат. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-13.

Рис. 27 – Рукавицы. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-10а.

Рис. 28 – Рукавицы. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-10б.

Рис. 29 – Рукавицы. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5954-80.

Рис. 30 – Кышкы порук – зимний мужской гоовной убор. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-17.

Рис. 31 – Озагад – трава для обмотки ног. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-6.

Рис. 32 – Чулки. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 5979-3.

Рис. 33 – Порюк – зимний охотничий головной убор. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6150.

Рис. 34. Шерстяной пояс. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, № 6025-20.

Рис. 35. Мончур – воротник. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №5979-78.

Рис. 36. Мойтрук – воротник шабура. Фонд МАЭС ТГУ, отдел этнографии, №6024-

3.

Отчет о проверке на заимствования №1

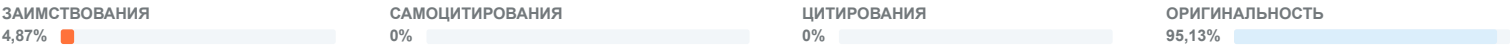
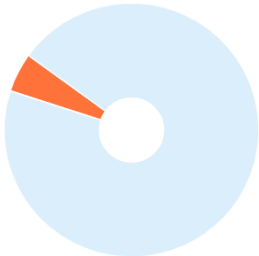
Автор: Сидорова Тамара
Проверяющий: Сидорова Тамара (tamara.sidorova.97@mail.ru / ID: 4212942)
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат» - users.antiplagiat.ru

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 47
Начало загрузки: 11.06.2021 06:35:15
Длительность загрузки: 00:00:05
Имя исходного файла: ВР Т.А. Сидорова.pdf
Название документа: ВР Т.А. Сидорова
Размер текста: 233 кБ
Символов в тексте: 238365
Слов в тексте: 31740
Число предложений: 3979

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Начало проверки: 11.06.2021 06:35:20
Длительность проверки: 00:00:03
Комментарии: не указано
Модули поиска: Интернет

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Самоцитирования — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
Заимствования, самоцитирования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.
Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	2,11%	2,82%	Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных http://ams.tsu.ru	06 Ноя 2018	Интернет	50	71
[02]	1,53%	1,7%	Границы расселения и этнографическая специфика шёшкупов р. Оби (XIX–XX вв.) http://ams.tsu.ru	02 Окт 2018	Интернет	41	45
[03]	1,23%	1,48%	Проблема этногенеза шорцев https://yandex.ru	27 Окт 2018	Интернет	31	36